

Л. ФАНДЕЕВА

УХОДЯ, НЕ УХОДИ

16+

Лилия Фандеева

Уходя, не уходи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Фандеева Л.

Уходя, не уходи / Л. Фандеева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03545-4

Само рождение Евгении Полянской стало первым шагом в лабиринте её судьбы. Как пройти его без потерь и сохранить всё, что так дорого?

ISBN 978-5-532-03545-4

© Фандеева Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

«Так случилось, что расстались с тобой мы давно.

Так случилось, что забыть мне тебя не дано.

Самые светлые, самые светлые дни,

В памяти верное, в памяти верное сердце хранит...» М.Шабров

Пролог

Евгения Сергеевна Полянская проснулась, как в обычный будний день, в шесть утра. Сегодня ей нужно было успеть вовремя приготовить праздничный завтрак для сына, которому исполнилось восемнадцать лет. Она улыбнулась собственным мыслям, и тут же взгляд её вновь стал серьёзным. Пять месяцев назад умер её дед по линии отца, прадед её сына, и юношу словно подменили. Между матерью и сыном всегда были дружеские отношения. Мать даже гордилась, что подростковый возраст они сумели пережить в мире и согласии. Теперь он оставался на первый взгляд прежним, но в общении появилась дерзость и какое-то высокомерие, чего она раньше не наблюдала. Ещё её очень беспокоила непонятная дружба сына с её сводным братом Никитой, которому шёл двадцать шестой год. Евгения Сергеевна понимала, что Женьке хочется казаться взрослым и самостоятельным, что ему внимание дяди льстит в силу своего возраста, только Никита был плохим примером для подражания. Все его проблемы решались за счёт денег и связей отца, а Жене Платову всё представлялось как некая «крутизна». Сам Никита, если и не любил, то уважал сводную сестру. Разница в возрасте, чуть больше десяти лет, давали право Евгении ставить мажора местного разлива на место. Виделись они, последние лет пять, нечасто и это сглаживало «острые углы». Между ними всегда были, если и не разногласия, то непонимание. Так, брат не понимал – почему сестра не выйдет удачно замуж и тащит племянника одна, если кандидаты в мужья были и есть. А Евгения не могла мириться с тем, что великовозрастный брат, мягко говоря, лодырь и бездельник.

– Доброе утро, мам, – сказал Евгений, появившись на кухне. – Чем так вкусно пахнет? – спросил он, присаживаясь к столу.

– Доброе утро, Евгений Андреевич и с днём рождения, – сказала мать, поцеловав его в щеку, и ставя перед ним тарелку с завтраком. – Подарок в конверте на микроволновке как ты просил. А это прислали Юля с Алексом, – передавая небольшую посылку, говорила она. – Что изволите на ужин? Когда будем задувать свечи на праздничном торте? – спросила мать, поглаживая сына по плечу.

– Ужин можно не готовить, – ответил сын. – Будний день и все заняты своими делами. Отец позвонит, прежде чем заехать после смены, но честно сказать, мне с ним не хочется встречаться. Бабушка с дедом сами просили меня зайти к ним. Орловы и Полянские могут только позвонить и поздравить. Ты можешь не суетиться. После занятий я иду с друзьями в боулинг, а вечером в клуб, – говорил он, уплетая завтрак. – Как же хорошо, что мне уже восемнадцать, и я перестану быть для вас маленьким мальчиком. Как я устал от вашей излишней опеки и заботы. Я, наконец, смогу принимать самостоятельно решения и свободно дышать. А ты, мам, займись, наконец, своей личной жизнью и не контролируй мою, – сказал он таким недовольным тоном, что Евгения Сергеевна на мгновение опешила. Она хотела перевести всё в шутку, но вовремя поняла, что претензии сына высказаны далеко не шутя.

– Ты сейчас так глупо пошутил? Когда это я контролировала тебя и излишне опекала? – задала она вопрос. – Чем тебе так не нравится моя забота? – сбитая с толку, спросила Евгения.

– Мам, не придирайся к словам, – ответил сын. Он прекрасно знал, что мать никогда не повышает голоса в любой ситуации и, если разговор заходит в тупик, она просто замолкает.

– Если я интересуюсь твоими делами, спрашиваю, как у тебя прошёл день – это не значит контроль. И что значит, займись своей жизнью? – Евгения не ожидала этого разговора и была не столько обижена, сколько удивлена.

– Почему ты мне не скажешь, что ждёшь ребёнка? Кто его загадочный отец? Тебе почти сорок лет, а ты вздумала рожать. Тебе не стыдно? – с несвойственной ему иронией, спросил Евгений.

– А почему мне должно быть стыдно? Я ничего не украла, ни кого не обманула, не предала. Я свободная женщина, у которой есть взрослый сын и которая хочет начать новую жизнь в тридцать шесть лет. В чём ты меня можешь упрекнуть? – спрашивала мать. – Я пыталась с тобой поговорить, а ты ссылаешься на занятость, всё реже бываешь дома, приходишь поздно, когда я уже сплю, даже сегодня ты пытаешься найти причину, чтобы не разговаривать со мной, а мягко говоря, уколоть. Сколько раз за этот месяц я просила тебя уделить мне немного времени для беседы? Что ты отвечал? Что сессию ты сдал без троек, что проблем у тебя нет, как нет и общих тем у нас для разговоров. Что с тобой происходит? Чего ты хочешь, сын?

– Найди себе достойного мужчину и выходи за него замуж. Думаю, отец твоего ребенка порядочный человек? – спросил Женя и посмотрел на мать так, что ей стало не по себе. В его взгляде не было интереса, он был наполнен сарказмом.

– Тебе важно, чтобы я была счастлива или чтобы обеспечила тебе беззаботное существование? – глядя на сына, спросила мать.

– А что? Было бы неплохо. Мне учиться ещё больше трёх лет. Кто будет платить за учёбу, если я вылечу с бюджета?

– Жень, я тебя не понимаю. Ты говоришь мне всё это серьёзно или пытаешься разыграть? В любом случае – это не делает тебе чести. Если хочешь, поговорим прямо здесь и сейчас. Я отвечу на все твои вопросы, но прежде скажу предельно честно – за учёбу платить никто не будет. У тебя, дорогой друг, есть шанс учиться бесплатно – воспользуйся им. Примешь другое решение – ошибки будешь исправлять сам. Ни я, ни твой отец не будем тянуть тебя до пенсии, вылезая из кожи вон. Мы никогда не были бедными, и не будем уже богатыми. У нас нет ни коммерческой жилки, ни богатых родственников, которые оставят большое наследство. Смирись уже с этим. Деньги, доставшиеся тебе от прадеда не так велики, как тебе хотелось бы. Жизнь, о которой ты мечтаешь, глядя на Никиту, мы обеспечить тебе не сможем.

– Разве плохо жить так, как живёт он? Он живет, как хочет, отдыхает, где хочет. У него есть хорошая машина, квартира. Молодость быстро проходит, и ему будет, что вспомнить потом, – с каким-то сожалением сказал Женька. – Жаль, что родителей не выбирают.

– Даже так! Видишь ли, Женя, я искренне порадовалась бы за своего брата, если бы он, имея специальность, владел ею, хотя бы на уровне студента. Как думаешь, что с ним будет, если скромный бизнес деда накроется? Проснётся утром, а денег нет. Куда он пойдёт? Машина у него не так крута, квартира – далеко не хоромы, друзей нет, – говорила Евгения, глядя на сына. – Ты считаешь, что его праздная жизнь останется в памяти? Его ночные гонки добром не кончатся. Скажи, зачем ты ему нужен? Тебе, возможно, с ним и интересно, а какой у него к тебе интерес? Кроме скверных историй, из которых его вытаскивает дед, ему и поделиться с тобой нечем. Деду дорого обходится его самостоятельность в двадцать шесть лет. Я согласна, отдыхать нужно как можно чаще, как можно веселее, но ты помоги и приложи хотя бы минимум усилий, чтобы обеспечить этот отдых, а не делай вид, что переутомился. Нельзя устать от безделья. Ты, я чувствую, не доволен своим отдыхом три месяца в году, а я, если ты заметил, отдыхаю всего месяц и не жалею. Что тебя не устраивает в нашей жизни? Поговорим сейчас или вечером? Я готова к диалогу.

– Только не сегодня. Тебе на работу пора. Я тебя предупредил, что меня вечером не будет. Вернусь ближе к утру, а ты постарайся мне не звонить. Спасибо за завтрак, – сказал Женя, моя посуду и допивая кофе.

– Я тебя услышала. Занятия в честь совершеннолетия не отменяются? – спросила она сына.

– У меня сегодня две пары. Ты можешь ехать, а я до второй пары сам доберусь. Удачного дня, – сказал он, слегка коснувшись своими губами её щеки и отправляясь в свою комнату, прихватив с собой подарки.

«Вот и поговорили», – думала Евгения, опустившись на стул. Почти весь рабочий день Евгения Полянская «переваривала» свой утренний разговор с сыном. Её насторожил сам тон разговора и эгоизм, который не скрывался. «Как я могу сказать ему о наших отношениях с его отцом, если он спит и видит «спонсора» для одного из родителей? – думала она. – Я дам ему свободу, и пусть дышит полной грудью. – Решение уехать и остаться на время одной возникло внезапно. Она вдруг поняла, что исчезни она, и этого никто не заметит. Сын был единственным, кто, как ей казалось, нуждался в ней. Теперь, по его словам, этой нужды не было. – Завтра мне позвонят дядя и отец, поздравят с днём рождения и забудут до следующего праздника. С двоюродными сестрами особой дружбы никогда не было. Они заняты своими делами, и их можно понять. Подруг я растеряла. Это у меня сын взрослый, а у них дети дошкольники. Андрей? Нас с ним всегда связывал сын. Мы даже жили вместе первые пять лет. Согласись я на его предложение восемь лет назад, мы могли бы быть счастливы. Или не могли?» – думала она, листая свой ежедневник, куда по привычке записывала дела на месяц вперёд. Неотложных дел, кроме текучки, на две недели не было. Захлопнув ежедневник, убрала его в ящик стола и направилась в кабинет руководителя.

– Алексей Михайлович, мне нужен отпуск на неделю. Не важно, какой он будет, но прямо с завтрашнего дня, – сказала она на одном дыхании.

– Что у тебя случилось, Женя? – спросил Новицкий. Он был на десять лет старше Евгении, одно время был ей увлечён, романа не получилось, но они оставались приятелями. – Я понял, что дел у тебя срочных нет. Иди за свой счёт, так будет проще.

– Спасибо. Я вернусь и расскажу обо всём, если будет что рассказывать. Завтра я ознакомлюсь с приказом и получу свою порцию поздравлений, – говорила она, покидая кабинет.

Домой она не торопилась. Заехала в салон связи и купила сим-карту с новым номером на смартфон, который подарил ей дед на тридцатипятилетие. Заехала в супермаркет, купив нужные и свежие продукты, и вернулась домой. Первое, что она сделала, нашла визитку дома отдыха в пригороде. Там они отдыхали с Андреем два выходных за две недели до Нового года. После того, как Андрей вернулся в город, его отношения с семнадцатилетним Женькой не складывались. «А что если сын догадывается о наших отношениях и его поведение своего рода протест? – думала Евгения. – Как-то я это упустила. Неужели мне опять предстоит делать выбор между собственным сыном и его отцом?» Она заказала с большим трудом одноместный номер на неделю, оплатив сутки вперёд. Достала дорожную сумку и начала укладывать вещи, ориентируясь на погоду и сезон. Февраль заканчивался, а значит, сильных морозов можно не ждать. Будет, возможно, снег и ветер, но не морозы. В ход пошли новые брюки, комбинезоны, свитер, кофта, купленные на рождественской распродаже. Они были «туристическими», как того требовала предстоящая поездка. Яркий, лёгкий и удобный костюм лыжника, привезенный из Германии года четыре назад, был в ходу зимой две тысячи пятнадцатого, когда на зимних каникулах она с сыном ездила в Сочи. Две пары добротной обуви без каблука, заняли место в сумке. Брать в лес шубу или пальто было неразумно. Рядом легла пара пижам, носки и бельё. Туристка была к поездке готова. «Осталось разобрать свою сумку и справиться с новым аппаратом, – подумала она, спускаясь к машине и укладывая в неё дорожную сумку. – Окончательное решение я приму завтра утром, а на сегодня у меня ещё есть дела. – Закончив с делами, Евгения приняла душ и легла в кровать. Сон не приходил, а в памяти сами по себе всплывали годы, прожитые вдвоём с сыном. – Я никогда не выбирала ему друзей, позволяла делать самостоятельно выбор, когда, чем и как заниматься. Если он просил помощи или совета, находила время и никогда не отказывала. Да, порой критиковала его за внешний вид, но это была всего лишь критика, а не условие или ультиматум. Я не ограничивала его визиты и поездки к отцу, и давала ему возможность общаться столько, сколько он пожелает. Университет и факультет он выбирал сам. Я ни разу не ездила отдыхать одна, а если и оставляла его на пару часов, то только по необходимости и уже в сознательном возрасте. Ни одно решение не принималось

мною самостоятельно без его согласия. Он не может этого не помнить или отрицать. А по его словам получается, что я его излишне опекала и контролировала, мешала ему дышать. Чёрт возьми, выходит всё, что я делала, было неправильно? Я никогда не ждала благодарности, но я не заслуживаю и обвинений. Я была в его возрасте, когда он родился. У меня мысли никогда не возникало обвинить маму или бабушку в своей «родословной». Теперь, по его словам, и я не та мать, и отец не тот». – Мысли возвращались к рождению сына, к такой далёкой и не очень лёгкой жизни, к появлению отца, к дружбе с дедом. Все восемнадцать лет были «разложены» по полочкам. Она едва дождалась пяти часов и поднялась с постели. Первый звонок с поздравлением раздался от Андрея Платова в шесть утра.

– С днём рождения, дорогая! Ты поговорила с Женькой? – сказал он и спросил одновременно.

– Поговорила, но не о том, о чём хотела. Вчера не получилось, а сегодня его ещё нет. Я не знаю, где он может быть и что с ним, – ответила она с грустью. – Мне показалось, что наш сын, намерено, идёт на конфликт.

– Не переживай, объявится. Случись что, тебе бы сообщили. Вечером я заеду, и поговорим с ним вместе. Думаю, хуже, чем есть, уже не будет. Успокойся. Я тебя люблю, – сказал Платов.

Через полчаса курьер принёс букет и торт от дяди и его семьи. Евгения перезвонила и поблагодарила Бориса Борисовича Полянского. Почти сразу перезвонил отец. Поставив цветы в воду, а торт в холодильник, она проверила ещё раз свою сумку, положила туда новый смартфон. Сын пришёл около семи утра.

– Доброе утро, мам, – сказал он, раздеваясь в прихожей.

– Доброе. Ты завтракать будешь? – спросила она.

– Буду. Я уставший и голодный, – ответил он моя руки в ванной комнате. – Можно я сегодня пропущу занятия? Почему не спрашиваешь, как прошёл вечер? – присаживаясь к столу, задал он вопрос.

– Захочешь – расскажешь. Ты же у меня взрослый, решай сам, что для тебя лучше, – ответила мать, ставя на стол тарелку с завтраком и бутерброды. – Боюсь, ты опять меня упрекнёшь в любопытстве и контроле. Тебе чай или кофе?

– Начало хорошее. Что-то случилось, пока меня не было? – спросил он, не чувствуя за собой никакой вины.

– У тебя хватит сил на десятиминутный разговор? – спросила Евгения Сергеевна, оставив его вопрос без ответа и присаживаясь к столу.

– Говори, – произнёс сын, пережёвывая завтрак.

– Всё сказанное тобой сутки назад – это твои собственные выводы? – делая глоток чая, спросила Евгения.

– Скажем – мысли вслух, – ответил сын.

– Значит, я была тебе плохим другом? – спросила Евгения, глядя на сына внимательно.

– Мам, ну сказал, не подумав или плохо подумав. Не обижайся. Ты же меня знаешь.

– Это не обида, Женя. Это разочарование. Мы перестали с тобой понимать друг друга. Обычную фразу «Носи аккуратно» мы стали воспринимать по-разному. Я имею в виду, что хорошая вещь прослужит дольше, а ты, что следующую купят нескоро. Скажи, я тебе в чём-то когда-нибудь отказывала, может, лгала? Я просто просила тебя подождать. Почему после смерти Виктора Ивановича наши с тобой отношения резко испортились? Я сама причины не нахожу, а ты поделись своими мыслями.

– Мам, да у тебя и то не так и это, – не сдавался сын.

– Конкретно, Жень, чтобы я поняла, – настаивала мать.

– Да, к примеру, мой внешний вид, – сердито сказал он.

– Сегодня ты выглядишь хорошо, несмотря на бессонную ночь. Да, я критикую твой внешний вид, но ты от моей критики не страдаешь, а я не настаиваю на своей точке зрения. Мы покупаем тебе вещи, которые ты выбираешь сам. Возможно, не так часто, как тебе хотелось бы, но я тоже редко обновляю гардероб. Разве не так? – спрашивала Евгения, глядя на сына. – Всё это, дорогой мой, отговорки. Причина ни в этом. Не хочешь – не говори. Я приняла к сведению все твои претензии. Больше никакого контроля и опеки с моей стороны. Мне казалось, что мы с тобой всё это время были хорошими друзьями, но теперь понимаю, что в чём-то ошибалась. Давай попробуем жить как добрые соседи. Я вечером улетаю в командировку. Сколько это продлится – я не знаю. Вернусь дней через пять. Продукты вчера я купила, деньги на расходы в ящике стола. Постарайся питаться регулярно и поддерживать какой-то порядок в квартире, – вздохнув, сказала Евгения Сергеевна.

– Мам, а с чего вдруг командировка, да ещё накануне трёх выходных дней? – спросил он с недоверием.

– Видишь ли, Женя, ни ты один считаешь себя взрослым, но и моё руководство пришло к этому выводу. Рабочий день у меня не нормированный, а деньги, особенно наличные и в валюте, не пахнут. Да, звонил отец и обещал сегодня вечером зайти. Ты уж постарайся вести себя с ним уважительно, – говорила Евгения, а в груди щемило.

– За что его уважать? Он нас дважды бросил, – с вызовом сказал Женька. – О его визите я знаю.

– Не говори того чего не знаешь. Ещё полгода назад ты думал иначе. Если он так плох в твоём понятии, зачем ты поддерживал с ним отношения столько лет? Встречался, ждал этих встреч, ездил в гости, отдыхал вместе с ним на море, ходил в походы? Возобновил отношения с Платовыми ты по своей инициативе. Разве ты не был доволен его возвращением? Или, я что-то путаю?

– Почему вы расстались, расскажи? – спросил он, меняя тему.

– Не могу. Захочешь узнать – спроси у него сам, – ответила Евгения Сергеевна.

– Мам, это не честно. Я имею право знать. Я давно вырос и не мальчик, – говорил он обиженно.

– Ты заговорил о честности? А кто сутки назад бессовестно обвинял меня? Это с твоей стороны честно? Не будем ссориться. Я не отказываюсь назвать тебе причину расставания, но, думаю, отец найдёт для тебя слова, которые ты поймёшь, как мужчина, – говорила Евгения, убирая посуду со стола. – Домой я уже сегодня не попаду. Ты хотел самостоятельности? Я тебе предоставляю её в полном объёме. Если поленишься менять воду в цветах, выброси их уже завтра, а торты не держи долго в холодильнике. Иди отдыхать.

– Кто принёс тебе торт и цветы в такую рань? – удивлённо спросил он.

– Я думала, они от тебя, – улыбнувшись сквозь слёзы, ответила Евгения, и голос чуть дрогнул. Она поняла, что сын забыл о её дне рождения.

– Мам, прости меня, пожалуйста, я совсем забыл. Давай мы отметим сразу два дня рождения вечером, – предложил он.

– Извини, не могу – у меня работа. Мне пора. Да, сын, самое главное я тебе не сказала. Если я, когда-нибудь, выйду замуж, то только за твоего отца. На богатого отчима с безграничными финансовыми возможностями можешь не рассчитывать, – сказала она, похлопав сына по плечу, и вышла из кухни.

Она понимала, что поступает неправильно, что стоило согласиться с сыном и, возможно, поговорить откровенно, но обида была сильнее разума. Женька не мог не понимать, что обидел мать.

Евгения Сергеевна пробыла на работе около двух часов, где её поздравили коллеги, а она устроила для них чаепитие с тортом. Дала поручение одной из коллег и выехала из города,

когда часы показывали одиннадцать часов утра с минутами. До дома отдыха было километров двадцать пять-тридцать. Она не доехала до места, а её уже в это время разыскивали...

Глава 1

Семьи Полянских и Орловых жили в одном заводском доме и трудились, за исключением несовершеннолетних детей, на заводе. Виктор Иванович Орлов, сорок второго года рождения работал начальником сборочного цеха, его жена, Галина Петровна, которая была на год моложе, работала в детском саду при заводе. Старший сын Сергей родился в шестьдесят третьем году, а дочь Наталья – в шестьдесят шестом. Борис Семёнович Полянский, на два года старше Орлова, работал мастером цеха под его руководством. Клара Петровна, на пять лет моложе мужа, работала в бухгалтерии завода. Дочь Маргариту она подарила мужу в девятнадцать лет, а через два года родился сын Борис. Борис и Наталья Орлова были ровесниками. Дети только скрепили дружбу двух семей. Они ходили в один детский сад, потом школу. Имея детей разного пола, обе семьи в семьдесят восьмом получили в новом заводском доме трёхкомнатные квартиры, переехав из двухэтажного дома в панельную «пятиэтажку» в разные подъезды. Сергей, не пройдя по конкурсу в институт в восьмидесятом, был призван в ряды советской армии в мае восьмидесяти первого. Рита оканчивала десятый класс и собиралась поступать в медицинский институт и ждать Сергея из армии. После стольких лет дружбы, переросшей в любовь, они позволили себе близость, даже не задумываясь о последствиях. Рите семнадцать, Сергею восемнадцать, а на дворе восьмидесяти первый год, когда о сексе не говорили на каждом углу. Проводив любимого в армию, Рита сдала выпускные экзамены в школе, написала письмо Сергею и только после этого призналась родителям, что беременная. Сергей принял эту новость спокойно. Он написал своим родителям обо всём и просил помочь Рите, пока он в армии. Родители Сергея, получив письмо от сына, навестили Полянских, и пришли далеко не с дружеским визитом, хотя дружили двадцать лет. В адрес Маргариты посыпались обвинения со стороны Галины Петровны Орловой.

– Ты о чём думала, когда ноги раздвигала? У тебя нет ни профессии, ни образования, – в сердцах говорила она. – Сергею кислород перекрываешь. Он бы мог, вернувшись из армии, учиться, а не подтирать сопли неизвестно кому. Бесстыжая! Делай аборт и разговор закончен.

– Тётя Галя, Вы знали, что мы с Серёжей дружим и давно. Я люблю его, а он любит меня. Я буду в цеху полы мыть, но аборт делать не стану. Оскорблять меня и воспитывать не надо. Мне уже семнадцать, а Вашей Наташе пятнадцати лет нет. Воспитывайте её. Уходите.

– Виктор Иванович, не опускайся до уровня своей жены, – просил Борис Полянский. – Мы вас в гости не приглашали. Не хотите признавать дитя, так мы с Klarой не настаиваем. Вы сами объясните сыну своё решение. А теперь вам лучше, действительно, уйти, – говорил он, провожая гостей. – Клара, ну как её ругать, или обвинять? Ты себя помнишь в её возрасте? Это как лавина, которая накрывает тебя с головой. Это чувство часто неподвластно разуму. Мне было двадцать три, тебе восемнадцать. Разве мы думали о чём-то кроме любви? Опрометчиво, безрассудно – согласен, но аборт делать нельзя. Сергей любит нашу Риту, трудно этого не заметить. Орловы делают самую большую ошибку в своей жизни, не согласившись с его выбором. Парень сбежит, узнав об их решении и защищая нашу дочь.

– Думаю, ума хватит не написать о собственной глупости, – сказала Клара Петровна. – Рита, иди сюда, дочка.

– Мам, даже если они не верят мне, зачем говорить гадости? – всхлипывая, говорила Рита. – Серёжа знает обо всём, что со мной происходит.

– Вот с Серёжи и начнём, – говорил Борис Семёнович. – Прямо сейчас, пишешь ему письмо и отправляешь. Мы с матерью согласны стать бабой и дедом. Пусть служит спокойно, и ты больше не смей реветь. О его родителях не пиши. С этим пусть разбираются сами.

– Пап, мам, вы не будете меня упрекать? – глядя доверчиво на родителей, спрашивала Рита.

– Не будем, солнышко, – ответила за двоих Клара Петровна, обняла и поцеловала дочь.

– Я буду поступать в институт как планировала. Пап, а Орлов, как начальник, не будет тебе ставить палки в колёса? – спросила Рита.

– Не бойся, Маргаритка. От меня в цеху больше толку, чем от него. Он мужик разумный и думает далеко не так, как его жена. Но дружба наша, думаю, закончилась, – говорил Полянский, обнимая дочь. – А ты собирайся и езжай с мамой на дачу. Не думай ни о чём плохом, ешь ягоду и готовься к экзаменам. К первому августа вернёшься. Мы им еще всем нос утрём.

Маргарита Борисовна Полянская стала студенткой первого курса лечебного факультета медицинского института в августе семьдесят первого года. Свою первую сессию она сдавала на восьмом месяце беременности и сдавала хорошо. Двадцать первого февраля семьдесят второго года Рита родила дочь, которую назвали Евгения, а через день ей самой исполнилось восемнадцать лет. Почему Женя? Так они решили с Сергеем. Имя подходило и для девочки, и для мальчика. В марте семья Орловых получила груз 200 из далекого Афганистана. Теперь Риту «обвили» и в гибели Сергея. Галина Петровна внучку не признала, а Виктор Иванович навещал Риту с дочерью каждый месяц. Делал он это, скорее всего, тайно. Приходил минут на тридцать-сорок, общался с Ритой и внучкой, оставлял деньги и уезжал. Дело в том, что они переехали в другой район в декабре и виделись последнее время редко. Рита очень переживала гибель Сергея и пыталась уйти из жизни. Её отец словно почувствовал неладное, глядя на дочь и предостерег трагедию. Успокоив дочь, приведя в чувство, Борис Семёнович гладил её по голове и со слезами на глазах говорил:

– Что ж ты, дочка, о нас с мамкой не подумала? Вязала бы три петли, а Женьку свезла бы в приют. Покончили бы одним махом с этой жизнью. Мне сорок два года. Женьке будет восемнадцать, а мне уже шестьдесят, если доживу после твоих срывов. На кого девчонку оставим? Ты можешь бросить учёбу, если свет не мил, но подумай о дочери. Зачем было её рожать, если решила бросить на чужого дядю. А чтобы на это сказал Сергей? В память о нём ты должна вырастить и воспитать дочь. Это плод вашей любви, – говорил он тихо. – Жизнь продолжается, если есть ради кого жить. Мы с мамой тебе поможем, а ты в старости поможешь с Женей нам. О том, что случилось, я не скажу даже матери, но ты мне должна пообещать, что подобное не повторится.

– Пап, прости меня. Я совсем из ума выжила и действительно сделала непростительную ошибку. Прости меня, родной. Я не думала, что будет так трудно. Я так от всего устала, – говорила Рита, вытирая слёзы.

– Терпи, моё чудо. Женька станет старше и будет легче. Ты можешь завтра не ходить на занятия и просто выспаться, но я не уверен, что дочь даст тебе эту возможность.

– Пап, завтра суббота, – улыбнулась сквозь слёзы дочь. – Я тебе обещаю справиться. Отпуск у мамы заканчивается, а бабушка приедет из деревни через три дня. Ты не против присутствия тещи? Борис не сердится, что его переселили окончательно?

– Пусть попробует высказать недовольство. Пусть школу окончит, чтобы диктовать условия, – строго сказал отец.

Рита взяла себя в руки и с приездом бабушки начала посещать занятия регулярно. Бабушке было пятьдесят восемь лет, и она сама справлялась с правнучкой, оставляя всю домашнюю работу на дочь и внучку. К началу третьего курса Жене исполнилось полтора года и в сентябре семьдесят третьего её отдали в детский сад. Чем старше становилась девочка, тем сильнее было её сходство с отцом. Рита была шатенкой с серо-голубыми глазами, а у Евгении волосы и глаза были цвета тёмного шоколада. Женя росла любознательной девочкой. К полутора годам знала много слов, сносно «щебетала», а в четыре года уже читала по слогам. Дед, Виктор Иванович Орлов, внучку не забывал, но старался приходить в отсутствие родителей Маргариты. Они договорились с Ритой, что будут встречаться с Женей каждый второй выходной месяца, если не получается в субботу, ждут воскресенья. Когда Евгении Сергеевне испол-

нилось пять лет, Маргарита окончила институт, а через год стала узким специалистом, окончив интернатуру. В восемьдесят восьмом она устроилась на работу в районную больницу, а через год получила однокомнатную квартиру в новом доме, площадью двадцать четыре квадратных метра. В этом же году Женя пошла в первый класс. Борис Борисович, брат Риты, окончив финансовый факультет университета в восемьдесят восьмом году, работал в банке экономистом. Через шесть лет он стал заместителем управляющего небольшого филиала коммерческого банка. Именно он посоветовал сестре обменять свою однокомнатную квартиру на трёхкомнатную.

– Рита, разница в пять миллионов рублей, при теперешних ценах, такой пустяк. Я возьму ссуду без процентов, и мы выплатим этот долг лет за пять. А нули на купюрах либо добавят, либо уберут, – говорил он уверенно.

– Борис, у тебя семья, двое детей и жена, которая меня не очень жалует. Что она на это скажет? – сомневалась сестра.

– Ты добро мне дай, а остальное мои проблемы, – ответил он. Борис не мог не помочь сестре, имея возможность. Рита всегда ему помогала и морально и материально. Могла отдать последнее, если он в этом нуждался, и никогда не напоминала о долгах.

Маргарита, при непосредственном участии брата, сумела обменять свою квартиру на трёхкомнатную квартиру. Квартира располагалась в этом же доме. Теперь у неё и у дочери были свои отдельные комнаты.

Женя училась не просто хорошо, а отлично. Подруг ей заменяли книги. Она читала много и обо всём. На лето её отвозили в деревню, к многочисленным родственникам бабушки. Это были русские немцы, говорящие на двух языках. Именно общение с ними вызвало интерес к английскому языку, который она учила в школе. Рано приученная к самостоятельности, она быстро схватывала бабушкины уроки и умела готовить простые блюда. Женя нашла себе друга в лице соседа милиционера. Общий тамбур, который объединил две квартиры, помог им подружиться. Павел Иванович Яковлев был почти на тридцать лет старше девочки. У него была жена Зинаида Филипповна и взрослая дочь Анжелика. Она жила отдельно и в другом городе. Женя оставалась одна, когда у мамы были ночные дежурства в учебный период, или ехала к бабушке на каникулах. На ней были свои определённые обязанности, которые она старалась выполнять добросовестно. Мама для Жени была не просто мамой, а близкой подругой. Она доверяла ей свои секреты и хотела, чтобы её мама была счастливой, при этом ей не доводилось видеть в своей квартире ни одного мужчины, даже в качестве гостей. Маргарита не махнула на себя рукой. Она всегда была собрана и аккуратна. Её уважали коллеги, любили пациенты, и не любило начальство. Жене было пятнадцать лет, когда мама познакомила её со своим интерном Соколовым Станиславом. Стас был на десять лет моложе матери и на восемь лет старше Жени. Молодой человек был ростом сантиметров сто восемьдесят пять и весом килограммов девяносто. Светлый шатен, с голубыми глазами и небольшим прищуром. Мама очень смущалась, когда начала разговор о совместном проживании с ним.

– Жень, прости меня. Я влюбилась как девчонка. Он совсем не похож на твоего отца, но я потеряла голову – говорила, слегка покраснев, мать.

– Мам, а его родители не придут к тебе выяснять отношения? Если его родители против вашего союза, можно ждать чего угодно от сплетен до неприятностей. Пусть он сам решит этот вопрос с ними, он не мальчик, – говорила Женя, обнимая мать. – Я буду только рада. Ты у меня молодая и красивая.

– Мне нравится, что его не смущает ни разница в возрасте, ни твоё присутствие в моей жизни. У нас одни интересы, одна профессия. Знаю, что всё это может продлиться недолго, но я такая счастливая, что не хочется думать о далёком будущем. Мне важно, чтобы он тебя не обидел, – говорила мама Евгении.

– Мам, ты же не смотришь сериалы. Откуда уверенность, что отчим обязательно совертит падчерицу? – смеялась Женя. – Стас мне нравится. Он умный, симпатичный, а главное не мнит из себя хозяина в доме и не поучает. Андрей в его возрасте будет гораздо интереснее.

– Давай поговорим об Андрее. Мне нравится твой друг, Женя. Парень самостоятельный, знает, чего хочет, не избалованный, одно плохо – я почти не знаю его родителей. Он у них единственный сын, а значит, они будут стараться обеспечить ему достойное будущее и найдут достойную партию. Исходя, Женька, из своего жизненного опыта и их статуса, думаю, им нужна невестка с хорошим приданым, а ты у нас «бесприданница».

– Мам, а без денег нельзя? – улыбнулась Женя.

– Можно, дочка. Только пословица «С милым рай в шалаше» не работает. Видишь ли, когда человека любишь, его материальное положение не так и важно, но если ты при этом лишаешься тех удобств и комфорта, к которым привык – это переживает без потерь не каждый. Думаешь, я за все эти годы не влюблялась или мне не хотелось иметь полноценную семью? Только не всегда наши желания и возможности совпадают. Одному не нравилась моя профессия, и я должна была оставить работу и сменить наше место жительства. Я не собиралась быть содержанкой, я к этому была не готова, а уговаривать меня и не собирались. Другому, мешало твоё присутствие рядом со мной. Он бы предпочёл содержать тебя, но при условии, что ты живёшь с бабушкой. Как ты думаешь, на таких условиях, моя любовь к ним долго продлилась? Так мы с тобой вдвоём и остались, но я, ни о чём не жалею, – обнимая дочь, говорила Маргарита.

Стас переехал в квартиру Риты в конце девяносто седьмого года, а в феврале Жене исполнилось шестнадцать лет. Женя была ростом метр шестьдесят пять и весила пятьдесят пять килограммов. Короткая стрижка её густых тёмных волос, делали её похожей на подростка, если бы не тонкие девичьи черты лица с большими глазами и грудь второго размера. Одевалась Женя просто, но со вкусом. На дорогую одежду денег не хватало, но очень выручала бабушка, которая умела хорошо шить и вязать. Летом это были сарафаны и платья, а зимой жилеты и жакеты, джемпера и кофты. Они жили троём дружно. Стас, проходя интернатуру, работал в одну смену с Ритой, и Женя виделась с ними за завтраком или ужином. В выходной она уезжала к бабушке с дедушкой. С появлением Стаса в их с мамой жизни, для Жени ничего не изменилось, кроме разговоров в школе. Полянская Евгения девять лет проучилась в этой школе. Она была умной, коммуникабельной, ответственной, самостоятельной, улыбчивой и жизнерадостной девочкой. У неё были приятели даже в параллельном классе. Она никогда и никому не отказывала в помощи, особо не дружила, но прятельствовала. Дружила она с Андреем, который уже был студентом. Жене Андрей нравился, но не настолько, чтобы страдать, а ещё больше ей нравилось, что многие девчонки ей завидовали. Полянские и Платовы жили в соседних домах, а Женя и Андрей учились в одной школе. Правда, Андрей был старше Жени на два года. Студент второго курса мединститута ростом под метр девяносто и весом в соответствии с ростом, был тёмным шатеном с синими глазами. Он занимался каратэ еще со школы и был слегка накачан и спортивен. Может и слухи о связи со Стасом появились из-за зависти одноклассниц? Она никогда не думала, что у некоторых одноклассников к ней такое негативное отношение. Кто-то распустил слух, что сожитель матери Жени спит не только с матерью, но и с дочерью. В начале шушукались за её спиной, позже насмеялись в открытую. Женя знала, начни она оправдываться – будет ещё хуже. Она перед первым уроком, который вела классная руководитель, попросила слово, выйдя к доске.

– Оправдываться я перед вами не буду, как и рассказывать о своей интимной жизни. Займитесь каждый своей. Я знаю, кто из вас распустил эти слухи. А теперь, подумайте, что будет, если я расскажу о некоторых эпизодах из личной жизни многих из вас? Так, между делом, ради прикола и в отместку, – говорила она, обводя взглядом класс. – Я хорошо воспитана и пока промолчу, но не долго. С сегодняшнего дня я прекращаю с вами всякое общение. Поверьте на

слово – я проживу без вашего общества. Нам недолго придётся терпеть друг друга, ведь класс у нас выпускной.

Треть класса извинились сразу, треть приняла позицию ожидания, остальные продолжали тихую травлю, но на неё уже не реагировали две третьих. Казалось бы, проблема решена, но теперь она появилась дома. Женя случайно услышала разговор матери со Стасом, который произошёл в конце девяносто восьмого года.

– Стас, что у тебя с Женей? Я вижу, как ты на неё смотришь. Если решил совратить девчонку, то нам лучше с тобой расстаться, – говорила Маргарита, едва сдерживая слёзы.

– Рита, ты сама себя слышишь? – сердился Стас. – Ладно, ты мне не доверяешь, но зачем ты обижаешь своими подозрениями дочь? Она всё делает, чтобы у тебя не было повода для ревности. Вот зачем она уезжает в выходной к бабушке, когда мы можем провести его как семья? Выбрось эту дурь из головы. Я хорошо воспитан, чтобы гадить там, где мне хорошо и где меня принимают.

Женя поговорила с мамой в этот же день.

– Мам, я слышала ваш разговор со Стасом. У нас с тобой почти никогда не было тайн или секретов. Я перееду к бабушке, и у тебя не будет причин для ревности. Возможно, дело не в Стасе, а в тебе. Так будет лучше для всех, – говорила она, глядя на мать.

– Жень, прости меня. Я совсем потеряла голову.

– Мам, ты у меня молодая, успешная, замечательная женщина. Ты же не хочешь, чтобы он ушёл из-за твоей глупой ревности? Стасу не нужна наша жилплощадь – он у нас местный. Ты его не содержишь – он всё покупает сам. Возможно, большой и чистой любви между вами и нет, но что-то, же есть, раз он терпит твои истерики и ревность. Было бы ему плохо, он бы давно ушёл. Мне, думаешь, в школе легко? Одни прямо откровенно говорят, что Стас спит с нами по очереди, – говорила Женя, глядя на мать. – Что ты на меня так смотришь? Начни я оправдываться – будет еще хуже. Мне теперь Стаса за это ненавидеть? Поговорят и отстанут. Не обижайся, я буду приезжать в выходные, а ты можешь чаще навещать родителей.

– Я так боюсь его потерять, но попробую держать себя в руках. Ты у меня такая взрослая и такая рассудительная не по годам. Виктор Иванович перестал тебя навещать. Ты не знаешь причины? Может это из-за того, что я живу со Стасом? – спросила Рита.

– Не думаю. Он всегда хотел, чтобы у тебя сложилась семья. С дедом он не общается, живут в другом районе. Откуда им знать, что происходит у нас в семье? Я навестила бы его, но адреса не знаю, да и сомневаюсь в целесообразности визита, – ответила Евгения. – Я соберу вещи, а Стас завтра завезет их на машине к бабушке. После школы я поеду туда. Не волнуйся. Телефон есть тут и там. У нас есть возможность созваниваться.

– Женя, а как же твой Андрей? – вспомнив о друге дочери, спросила Маргарита Борисовна. – Вы будете реже видеться.

– А что Андрей? Мы, мама, с ним не спим, а встречаться мы можем и у него, и у бабушки, и у вас, – улыбаясь, ответила дочь.

Тринадцатого мая во время операции у доктора Полянской Маргариты Борисовны на столе умер пациент. Её отстранила от операций до выяснения всех причин. Вскрытие показало, что у больного оторвался тромб и хирург не виновен в смерти. Но стресс и напряжение последней недели сильно измотали Маргариту, а тут еще звонок. Она подняла трубку рабочего телефона и услышала: «Здравствуй Ритка-маргаритка». «Серёжка?» – спросила она и упала без чувств. Звонок сделал ни кто иной, как Сергей Орлов, погибший семнадцать лет назад в далёком Афганистане, но об этом так никто и не узнал. Всё списали на сильнейший стресс, в результате которого произошёл обширный инфаркт. Хоронили Полянскую Маргариту Борисовну двадцать второго мая. Родственники умершего пациента сняли все свои обвинения с доктора и помогли с похоронами, но семье Полянских такая помощь была в тягость. Для Жени не было последнего звонка в школе. Она тяжело переносила смерть матери, но помнила о том,

что на ней родители мамы и им было нелегче. После поминок на девятый день, Женя вместе со Стасом приехала на квартиру, чтобы забрать свои вещи. Стас возвращался к своим родителям, а Женя окончательно переезжала к бабушке. Квартиру решено было сдать до лучших времён.

– Жень, ты готова к экзаменам? – спросил Станислав, доставая сумку и вещи из шкафа.

– Я постараюсь сдать хорошо, – ответила Женя, глядя на вещи мамы. – Скажи, Стас, ты скучаешь по маме? Ты её любил?

– Она мне очень нравилась. Рита была замечательной и умной женщиной. Это была страсть, интерес, влюблённость. Я не знаю, как это можно назвать, но мне её не хватает, – ответил Станислав. Ты с Андреем дружишь, что ты к нему чувствуешь? – спросил он.

– Ничего. Мы с ним просто друзья, дружим больше двух лет. Я тебе сейчас скажу одну вещь, только ты не смейся, – сказала Женя, присаживаясь на диван, и замолчала.

– Говори, обещаю отнестись к этому серьёзно, – ответил Стас.

– Сейчас мы разъедемся по разным адресам и можем больше никогда не увидеться. Скажи, я тебе хотя бы немного нравлюсь?

– Нравишься. Через год, когда тебе исполнится восемнадцать, будешь ещё интереснее, – ответил Стас, присаживаясь рядом с ней. – Потерпи. Пройдёт время и станет немного легче, – говорил он, положив свою руку на её ладонь. – Береги Полянских и готовься к экзаменам. Ты должна поступить в университет в память о маме. Мы можем встречаться с тобой по выходным как друзья. Нас с тобой Рита связывает.

– Я не об этом, Стас. Ты мне нравишься. У меня не было ещё мужчин и секса, – тихо сказала Женя и покраснела. – Поцелуй меня.

– Я не могу, Жень. Прости, – ответил Стас, поднимаясь с дивана.

– Не можешь или не хочешь? Чего ты боишься? Даже душа мамы покинула сегодня эту квартиру. Мне не нужно, чтобы ты делал мне одолжение. Я хочу просто почувствовать себя с тобой женщиной, – сказала она и на глазах появились слёзы. – Что я должна сделать, чтобы ты передумал?

– Ничего. Послушай меня внимательно, девочка моя. Ты ждёшь от меня невозможного. Я не мальчик, а взрослый мужчина. То, что ты предлагаешь полное безумие. Для секса нужно хотя бы желание партнёров, а иначе его можно расценивать как насилие. Ты хочешь, чтобы я лишил тебя девственности и не сожалел об этом? Подумай о своем друге Андрее. Извини. Ключи от квартиры на полке. Прости, если я тебя обидел. Пока.

Женя нравилась Стасу не только внешне. Ему нравилось её отношение к матери, в котором не было ни ревности, ни укора. Она относилась и к самому Стасу как к ровеснику матери и отчиму без претензий и упрёков. Он понимал, чего стоило девушке завести этот непростой разговор, как понимал и то, что это они на пару с Ритой подтолкнули девушку к такому решению и вызвали у неё неподдельный интерес. «Ей не просто нужна близость со мной, она хочет испытать те ощущения, которые я давал её матери. Мне нужно это юное создание, но я не могу. Ради неё самой», – думал он, спускаясь к машине.

Стас ушёл, а Женя заплакала. Ей вдруг стало стыдно за свою откровенность. Через пять минут она вытерла слёзы, взяла сумку и вышла из квартиры. У подъезда её ожидал Андрей, оседлавший байк.

– Ты что здесь забыл? – спросила Женя. – Меня караулишь?

– Я видел, что Стас уехал. Не мог тебя подвезти? – спросил он.

– Андрей, ты тоже считаешь, что я спала со Стасом? – глядя на друга, спросила она, вспоминая недавний разговор.

– Я слухам не верю. Вы в этом случае задержались бы в квартире, а вы быстро управились. Не злись. Я просто тебя к нему ревную, – ответил приятель.

– Платов, как ты меня можешь ревновать, если мы с тобой просто друзья, – улыбнулась Женя. – Глупости не говори.

– Это я для тебя друг. Ты дальше своего носа ничего не видишь или не хочешь видеть? Что будешь делать? – спросил он, чтобы сменить тему разговора.

– Отвезу вещи к бабушке, переоденусь и поеду на нашу дачу готовиться к экзаменам, – ответила она.

– Возьми меня с собой, – попросил он.

– Чего ты там забыл? – удивилась Женя. – Работы там пока нет, если только сорняки полоть.

– У меня тоже сессия начинается. Буду, как и ты, готовиться к зачёту. У меня только одна просьба: я предупрежу маму и попрошу собрать на пару дней сухой паёк. Идёт?

– Не понравится – уедешь на своём коне в любое время. Ты не помнишь, твою одежду мы после уборки на даче забирали? – спросила Женя, вспоминая, как на девятое мая приезжали туда всей семьёй и брали с собой Андрея.

– Нашла о чём переживать. Возьму футболку и брюки. Дай мне пять минут. Ты в квартиру поднимешься? – спросил Платов.

– Иди, я здесь подожду, – ответила Женя, вспоминая вновь свой разговор со Стасом. «Он сказал: – «Подумай об Андрее». Что он имел в виду? – думала она. – Что Андрей мне больше подходит? Андрей хороший друг, он внимательный, заботливый, и он мне нравится. Возможно, он влюблён в меня, а я так привыкла к его присутствию, что не замечаю или не хочу замечать этого».

Они через двадцать минут остановились у подъезда дома бабушки.

– Бабуля, держи ключи. Стас вещи забрал, завтра обещал привезти справку для пенсионного фонда. Я поеду на дачу на два дня и вернусь тридцать первого до обеда. На Вас Клара Петровна квартиранты и вещи мамы. Позвони тёте Марине, может, что себе заберёт. Поезжайте с дедом и посмотрите своими глазами, только прошу тебя – не плач, – говорила Женя, обнимая пожилую женщину. – Андрей едет со мной.

– Андрей, ты на скважину за водой для питья поезжай. Вода водопроводная сейчас грязная, мало кто поливает. Будете уезжать – свет выключите. Где что лежит, знаете, с голоду не умрёте, а хлеба купите. Смотри, Андрей, не обижай Женьку, – говорила Клара Петровна.

Они приехали на дачу в начале шестого. Андрей сам заехал по дороге в магазин и купил то, что счёл нужным. Высадив Женю и сняв сумку, он взял канистру и поехал на скважину. Вернувшись, «завёл» железного коня под навес и огляделся по сторонам. Соседей по даче видно не было, дачный сезон только начинался и был будний день. Он хорошо знал это место и бывал здесь с Женей и её семьёй не раз. Так, на девятое мая, они наводили порядок в доме, копали грядки, сажали картофель, а потом вечером жарили шашлыки. Домик на участке в шесть соток был на одну комнату с верандой и мансардой из белого кирпича с шиферной крышей. На мансарде был балкон. Дом не был предназначен для «зимовки». С конца сентября и до апреля все дома пустовали. Участок с трёх сторон окружали такие же небольшие домики. Несколько кустов смородины, вишни. Ряд малины вдоль забора. Грядка клубники, которая цвела. Рядки уже взошедшего картофеля. Под окном росла черёмуха, а перед домом цвели первоцветы. Позади дома была открытая терраса, увитая диким виноградом. Здесь по вечерам ужинали или чаёвничали, приезжая на выходные или в отпуск. Андрей вошёл в дом, где Женя уже успела переодеться, включила старенький холодильник «Саратов» и раскладывала привезённые продукты. Веранда, она же кухня с электрической плиткой на две конфорки, раковиной от летнего водопровода, двумя наборами столов и шкафов, где хранилась кухонная утварь, посуда и запас продуктов первой необходимости. Напротив входной двери была дверь в душ. Летом пользовались водой из бака, нагретой солнцем, а в пасмурные дни мылись по старинке из тазика, подогревая воду в чайнике или кипятильником в кастрюле. Полы в доме были из досок, поверх которых лежали куски деревоплиты, окрашенные охрой, стены побелены. На них висели картины, написанные в юности Маргаритой и помещённые её отцом в рамки. Два

дивана вдоль несущих стен, круглый стол в центре с четырьмя венскими стульями, кресло и торшер. Рядом с лестницей на второй этаж стоял старый плательный шкаф с бельём, вещами, одеждой и обувью для работы на даче. На втором этаже стоял топчан, сбитый дедом, на котором лежали два обычных матраса, а на полу лежал ковёр недоеденный молью процентов на семьдесят. Потолок и стены были обшиты тонкой древесиной, покрашенной в белый цвет. На балконе стояли два табурета.

– Андрей, ты есть хочешь? У меня по плану пять вопросов, на которые я должна ответить, – говорила Женя, доставая из сумки толстую тетрадь.

– Отвечай на свои вопросы, а потом вместе сообразим ужин, – ответил он, поднимаясь на второй этаж. Ему в голову пришла мысль, от которой он никак не мог избавиться. «Я её очень люблю, но это чувство не взаимное. А если я ошибаюсь? Кто сказал, что о любви нужно кричать? Если я сделаю всего один неверный шаг, я могу потерять её навсегда. Мне нельзя этого допустить, – думал он, стоя на балконе и глядя на дачный пейзаж. – Чем она меня так зацепила? Я же не вижу никого вокруг. Женька умная, обаятельная. Мать зря называет её простушкой, а мне не стыдно признаться, что рядом с этой простушкой я чувствую себя Митрофанушкой. Сейчас ей очень тяжело, а как ей помочь я не знаю. Я хочу стать ей ближе, но захочет ли этого она. Как бы мне хотелось обнять её и никогда не отпускать».

Прошло не меньше часа, когда он услышал голос Жени.

– Андрей, иди ужинать. У меня всё готово, – позвала она.

– Ты одолела свои пять вопросов? – спросил он, спускаясь по лестнице вниз. – Чем будешь кормить?

– Я думала, ты спустишься на запах. Чем ты был занят? – спросила она. – Сосиски, кетчуп, салат. На десерт кофе или чай с плюшками.

– Женька, я не хочу сосиски, не хочу десерта, я хочу тебя, – сказал он, обняв и нежно поцеловав девушку.

Она его не оттолкнула, как это бывало, и Андрей повторил поцелуй. Руки сами скользнули по одежде на её теле. Женька не сопротивлялась, и это придало ему уверенности. В свои девятнадцать, он давно не был мальчиком, и кое-что понимал в любовной игре, а Женю, он любил. Эти разговоры про её семью и Стаса сводили его с ума. Теперь, наблюдая за реакцией Жени, он был уверен, что все разговоры надуманы. Он сразу почувствовал, а потом и понял, что он у неё первый мужчина...

Когда волна страсти схлынула, они оба минут пять молчали. Андрей прижал Женю к себе и тихо сказал:

– Ничего не бойся. Я всегда буду рядом потому, что люблю тебя, а сейчас лежи смирно. Я включу чайник и выйду на улицу – душ принимать в мае рано, – говорил он, поднимаясь с дивана. – Пожалуйста, малыш, не надо меня стесняться. Это должно было когда-то случиться. В этом нет ничего постыдного. Ты моя и я тебя люблю.

Женя слышала, как отключился чайник. Она взяла свои вещи и направилась в душ, прихватив с собой чайник. Мылась по старинке из эмалированного таза, разведя кипяток из чайника.

– Ужин не отменяется? – спросил Андрей, входя через время в дом и обнимая Женю. – Как ты?

– Нормально. Если ты не будешь задавать мне подобных вопросов, я забуду о своём распутстве быстрее. Тебе к зачёту нужно готовиться, а ты...

– Так я к зачёту по анатомии готов. У меня под рукой был живой экспонат, – перебил Женю улыбающийся Андрей. – Я теперь могу и целую главу по гинекологии сдать. Знала бы ты, какой я счастливый, – обнимая девушку, говорил он. – Скажи, тебе всё, что было неприятно или ты просто стесняешься этого?

– Давай отложим этот разговор до вечера. Мне многое тебе нужно сказать, но не сейчас. Проведёшь для меня ликбез на ночь, может, что и поймешь, – ответила Женя. – Сосиски обжарить? Вид у них какой-то не съедобный.

– Держи, это тебе, – сказал он, протягивая колечко, сделанное из фантика от карамели. – Я обязательно подарю тебе настоящее.

Больше в этот вечер не говорили ни о выпускных экзаменах, ни о сессии. Андрей «выступал» в роли гуру, начав с анатомии мужчины и плавно перейдя к вопросам сексологии, а Евгения с неподдельным интересом слушала учителя, который говорил полушутя, чтобы меньше смущать девушку. От простой, но такой «занимательной» теории, перешли к практическим вопросам...

Проводив утром Андрея на зачёт, Женя навела порядок в доме и открыла энциклопедию по русскому языку. Перед сочинением следовало повторить некоторые правила правописания. Медалистке нельзя было быть безграмотной. «У меня нет желания заниматься, – подумала она, вспоминая вечер и часть ночи в объятиях Андрея. – В наших отношениях наступил новый этап, и это мне нравится. Платов такой нежный и ласковый, заботливый, понимает меня лучше, чем я сама себя. Может это и есть любовь? Господи, у меня впереди экзамены, а я о любви. Первого июня сочинение, восьмого математика. Можно было в промежутке сдать английский или историю, а можно и подождать, – размышляла она. – Посмотрим, как пройдёт сочинение, а потом решу». Прошли пару часов, как уехал Андрей, когда у дома остановилась машина. Это была машина ВАЗ 2108 вишнёвого цвета. Станислав Соколов вошёл в дом незамеченный хозяйкой. Женя сидела на диване, прикрыв глаза, и вслух повторяла правила, приводя примеры. Он постучал по косяку двери и прошёл в комнату, когда Женя открыла глаза.

– Привет! Я вижу, дела движутся, – сказал он, присаживаясь рядом. – Я тебе не помешаю своим приездом?

– Здравствуй. Тебя каким ветром сюда занесло? – спросила Женя, закрывая книгу. – Ты мне уже помешал.

– Я завёз Кларе Петровне бумаги, как обещал, она мне сказала, что ты на даче, вот я и приехал.

– Приехал зачем? – спросила Женя. – Мы поговорили обо всём вчера. Мне стыдно за своё поведение, но я извинилась. Тебе бабушка не сказала о том, что я здесь ни одна?

– Не сердись, Женя. Я о многом подумал и решил принять твоё предложение, – нерешительно сказал Стас.

– Я не рассчитывала на твоё одолжение. Ты подумал, решил принять, только ты опоздал. Я ночевала здесь с Андреем. Он утром уехал на зачёт, – сказала Женя, глядя ему в глаза. – Извини ещё раз за вчерашний порыв, Стас. Я не знаю, что на меня нашло.

– Ты хочешь сказать, что переспала с ним? – удивился он.

– Зачем говорить, ты и сам прекрасно всё понял. Ты был прав, когда отказал мне в безумной просьбе. Прости мне эту глупость.

– Зачем ты это сделала, ты ведь не любишь его?

– Стас, я и тебя не люблю. Ты мне нравился, и мне просто захотелось твоего внимания, участия. Это хорошо, что ты оказался стойким оловянным солдатиком и мне не приходится теперь краснеть. В отличие от тебя, Андрей меня любит, и ты об этом знаешь. Всё произошло само собой, – чуть смущаясь, говорила она, вставая с дивана.

– Вчера ты, скажем так, хотела меня, а сегодня изменилось что-то? И Андрей для тебя был просто другом, – усмехнулся Стас.

– Андрей очень внимательный, заботливый, он понимает меня как никто другой. Наверное, поэтому я ему доверилась. Последние дни никому нет до меня дела. Никого не волнует, что я чувствую. Все в семье считают, что я должна поддерживать родителей мамы, и никто не пытался поддержать меня, а он всегда рядом, – говорила Женя. – Ты знаешь, что он тебя ко

мне ревнует? Эти сплетни о нашей с тобой связи, гуляющие по школе, дошли и до его ушей. Он в это не верил, а теперь и убедился.

– Утешил, значит? – язвительно спросил Стас.

– Стас, не нужно иронии. Я сегодня уже не уверена в том, что поцелуй, о котором я тебя просила, завёл нас дальше. Я понимаю, что твой визит я сама спровоцировала. В тебе говорит уязвлённое самолюбие. Я сказала вчера глупость, и ты это понял, постарайся понять и то, что произошло. Кто мне говорил о чувствах, страсти? – спрашивала она, глядя на него пристально

– Хорошо. Я смогу тебя понять, если позволишь мне всего один поцелуй, а дальше сама решишь, – предложил он.

– Стас, не делай из меня шлюху, и того о чём потом сам же и пожалеешь, – говорила Женя спокойно.

– Всего один поцелуй, как в игре, – говорил он, с силой прижимая её к себе и страстно целуя в губы.

Женя упиралась ему руками в грудь, пытаясь освободиться из его «тисков».

– Пусти! Тебе лучше уйти, а я сделаю вид, что этот кошмар мне приснился, – говорила Женя чуть не плача. – Андрей может вернуться в любую минуту, он тебе этого не простит, как и я.

Он схватил её за руки и толкнул на диван, навалившись на неё. Женя была меньше ростом и легче весом, но сопротивлялась отчаянно, откуда, только силы взялись. Её сопротивление только больше возбуждало Стаса. Где-то глубоко в подсознании у него мелькнула мысль: «Я же не маньяк. С Женькой так нельзя» и тут же её сменила другая, более бредовая: «Она променяла меня на это ничтожество Андрея. Чем он лучше меня?» Борьба продолжалась не более минуты, когда Женя вдруг затихла, а из её носа пошла кровь. Стас отпустил её руки, и они безвольно упали. Он поднял ей веко и понял – Женя потеряла сознание. Стас нащупал пульс и бросился искать в шкафах домашнюю аптечку. Нашёл нашатырный спирт и вернулся в комнату. В голове была только одна мысль: «Что с ней?» Он не мог понять, почему носом пошла кровь и что привело к потере сознания. Ему на мгновение стало страшно. Запах аммиака привёл Женю в чувство, она открыла глаза и взглянула на Стаса так, что он готов был провалиться сквозь землю.

– Ну, слава Богу, – сказал он и улыбнулся. – Женька, всё было постановкой. Я не соби-рался тебя насиловать. – Он наклонился, чтобы смочить ей виски аммиаком и тут же получил слабый толчок её ногами себе в грудь. Не ожидая удара и не удержав равновесия, он чуть рас-прямылся, и упал на пол, при этом часть правой стопы оказалась зажатой между полом и дива-ном. Флакон с нашатырем покатился по полу. Женя осторожно поднялась с дивана, поправила сарафан, взглянула на Стаса, который снял обувь и ощупывал стопу, и, молча, прошла в душ. Она не ощущала холода от воды, которая бежала из крана. Единственное чего она хотела – это остановить кровотечение и смыть с лица запах туалетной воды Станислава. Остановив кровь и умывшись, она вышла из дому и присела на крыльцо. Её бил лёгкий озноб от пережитого. Минут через десять к дому подъехал Андрей.

– У тебя гости? – спросил он, заметив машину Стаса.

– Посмотри сам, – ответила она, глядя мимо него.

Андрей прошёл в дом и увидел Стаса, сидящего на полу.

– Что между вами произошло? – спросил он Стаса. – Ты её обидел?

– Обидел, но не сделал того, о чём ты подумал. Помогите мне дойти до машины. Кажется, я ногу подвернул, – попросил Стас, пытаясь подняться.

– Если ничего не сделал, почему она такая? – спросил Андрей, протягивая Стасу левую руку и дождавшись пока тот поднимется, ударил его правой, но не дал упасть. – Что ты с ней сделал?

– Заигрался, – ответил Стас, вытирая платком разбитый нос. – На ней вся одежда целая. Что ты от меня хочешь ещё услышать?

– Помоги ему дойти до машины и пусть уезжает, – сказала вошедшая в дом Женя. – Я сама во всём виновата.

– Жень, тем более, так нельзя. Нам нужно либо его добить, либо оказать помощь. Я, кажется, ему нос сломал. – Ты доберёшься домой сам или как? – спросил Андрей Станислава.

– Женя, прости меня, – обратился Стас к Жене. – Я сожалею о том, что случилось. Тебе нужно отдохнуть. Потеря сознания не бывает без причины. Прости.

– Двигай к машине. Я не знаю, как ты доберёшься до дома, но помогать тебе не намерен, и костыля у меня нет, – говорил Андрей, помогая Стасу добраться до машины. – Я бы тебя убил, но Женьке не станет от этого легче, – тихо продолжил он.

– Если тебе станет легче – убей, – огрызнулся Стас, садясь в машину. «Самовлюблённый павлин, – мысленно ругал себя он. – У меня в мыслях не было обижать Женьку. Эта её откровенность и вывела меня из себя. Зачем нужно было портить с ней отношения? Андрей любит девушку. Он нормальный парень, через пять-шесть лет станет доктором не хуже меня. Какой же я придурок. Получил по заслугам, и теперь мне прямая дорога в травмпункт».

– Жень, я проеду посёлок и посмотрю, как он поведёт машину. Нам только ДТП с его участием не хватало. Я скоро вернусь, – сказал Андрей, запуская мотор байка.

Он вернулся минут через пять-семь.

– Андрей, я не знаю, что между нами произошло, но точно знаю, что на этот «подвиг» я сама его вчера спровоцировала, попросив себя поцеловать. Он назвал это безумием и ушёл. Я помню о том, что мы разговаривали и разговор был неприятный. Потом он меня толкнул на диван, навалившись сверху, я боролась с ним, а потом темнота. Сколько это длилось, сказать не могу. Я почувствовала запах нашатыря, увидела его лицо, наклонившееся надо мной и улыбающееся, толкнула его ногами. Он упал. Я встала, умылась – у меня носом пошла кровь, а ещё я хотела избавиться от запаха его туалетной воды. Потом вышла на улицу. Ты можешь собраться и уехать прямо сейчас. Обещаю, что я не наделаю глупостей. А сейчас я хочу побыть одна. Извини, – говорила Женя, сидя на диване и не глядя на Андрея.

– Жень, послушай меня внимательно и услышь, пожалуйста. Всё, что произошло – кошмарный сон, о котором нужно просто забыть, – говорил Андрей, присаживаясь рядом. – Станислав клянётся, что между вами ничего не было. Разве ты сама этого не чувствуешь? Да, если тебе интересно, зачём я сдал и проголодался, – говорил Андрей, обнимая нежно Женю. – Не кисни. Мир не рухнул. Злодей получил дважды по заслугам. Теперь ты знаешь, что внешность бывает обманчива, а слова, сказанные в порыве, могут быть истолкованы по-разному. Неприятно? Да, но и не смертельно. Хочешь побыть одна – побудь, но прежде пообедаем.

– Андрей, ты не понимаешь, как мне паршиво? А если всё же было и он врёт? Следов я не обнаружила, но он мог и не оставить их. Бельё на мне целое, а вот слабые синяки от его пальцев на моих запястьях останутся.

– Всё! Хватит себя казнить, Женька. Ты сама веришь в то, что говоришь? Стас не сексуальный маньяк, готовый воспользоваться твоей беспомощностью. Возможно, хотел тебя проучить, напугать, но ты его напугала больше. Через десять минут обедаем, – говорил он, поднимая Женю с дивана. – После этого отдыхай или повторяй свои правила. Давай к столу, – говорил он, усаживая её на стул и включая чайник.

Глава 2

Уложив Женю на диван и прикрыв её стареньким пледом, Андрей присел рядом.

– О чём думаешь? – спросил он, нежно целуя её в губы. – Ты помечтай и постарайся уснуть. Час-два сна тебе не повредят.

– Сдам экзамены, получу аттестат, и тогда буду мечтать, – ответила Женя, поворачиваясь на бок. – Как ты думаешь, я смогу поступить в университет? – спросила она, беря Андрея за руку.

– Ты ещё сомневаешься? У тебя золотая медаль в кармане и мечта стать переводчиком, объехать при этом полмира. Всё, Женя, реально, если очень захотеть, – говорил Андрей, держа её за руку. – Ты меня извини, возможно, я не вовремя завёл этот разговор, но ты попроси дядю заняться твоей пенсией. Вам будет всем легче материально. Станешь студенткой, её будут платить до окончания обучения, мне отец подсказал. На университетскую стипендию, даже повышенную, особо не разгуляешься.

– Дядя Боря этим занимается. Он мне обещал купить платье на выпускной вечер. Я пойду только на торжественную часть, чтобы получить аттестат и медаль. Мы планировали с мамой пойти всей семьёй, – сказала грустно Женя.

– Мы так и сделаем. Ты наденешь своё новое платье, возьмём Полянских и пойдём все вместе. Можно не ходить на банкет, но зайти в наше кафе после школы нужно. Посидим, наедемся до отвала пирожными и мороженым. Кларе Петровне не придётся стоять у плиты, – предложил Андрей. – Как тебе такой план?

– Мне нравится, – ответила Женя. – Только решим это позже, когда сдам письменные экзамены.

– Женя, а поехали к морю. У мамы сестра живёт в Туапсе. Не примет она – поможет найти жильё. Как ты к этому отнесёшься?

– Что-то мы с тобой размечтались на месяц вперёд. Я сдаю свои экзамены, ты сдаёшь сессию, проходишь практику и, если не получится с морем, будем отдыхать на даче, – улыбнулась Женя.

Двадцать пятого июня тысяча девятьсот девяносто девятого года Евгения Полянская получила аттестат о среднем образовании и золотую медаль. На вручении присутствовали бабушка, дедушка, дядя и Андрей. Вечер прошёл в кафе, как предлагал Андрей. Двадцать восьмого июня Евгения посетила женскую консультацию. Она была беременной. Срок беременности три-четыре недели. Андрей ждал её в небольшом сквере, сидя на скамейке.

– Андрей, я не хочу ребёнка, – говорила она обречённо. – Дело не в самой беременности, здесь я сама виновата, просто – не время. Какая из меня мама?

– Женя, это наш с тобой ребёнок. Ты понимаешь, как опасен первый аборт? Да, мы оба молоды и может быть беспечны, но это не трагедия. Мы справимся с этой ситуацией. Ты будешь хорошей мамой. Я поговорю с родителями и сам расскажу обо всём Полянским, – говорил он, беря её за руку. – Присядь.

– Я не хочу замуж, Андрей, – сказала она грустно. – Я хочу учиться.

– А я тебя и не зову. Родиться малыш – я признаю отцовство и дам ему свою фамилию. У него будет отец и мать. Созреешь для брака – поженимся официально.

– А если через время один из нас влюбится по-настоящему?

– Я тебя уже люблю, а тебя отпущу, если твоим принцем окажусь не я, – сказал Андрей, обнимая подругу.

– Андрей, это неправильно, – возразила Женя.

– Скажи, как правильно? – спросил он, заглядывая в её глаза. – Я сделаю так, как ты скажешь.

– Я не знаю, – тихо ответила Женя и прижалась головой к его груди.

– Ты не знаешь, моё предложение считаешь неправильным – оставим всё как есть. Я скажу Борису Семёновичу, что ты замуж за меня не собираешься, но ребёнка я признаю.

– А что скажут твои родители? – спросила Женя, понимая, что многое зависит от этой семьи.

– А что они могут сказать? Отцу было двадцать, когда я родился, маме девятнадцать. Видимо, это гены раннего брака, – улыбаясь, говорил Андрей. – Для меня главное быть рядом с тобой, теперь уже с вами, а всё остальное, Женя, решаемо.

– А я повторяю судьбу мамы. Она родила меня без мужа в восемнадцать лет. Дедушка не будет настаивать на свадьбе. В доме траур, а любимая внучка, принесла в подоле. Как же теперь быть с учёбой?

– Знаешь, Женька, я готов ради тебя на всё. Поступай и учись. Поговорю с родителями, если пойму, что помощи ждать не от кого, будем учиться по очереди. Родиться малыш – я возьму на год академический отпуск, – обнимая её, говорил Андрей. – Всё у нас получится. Не переживай раньше времени – тебе это вредно.

Разговор Андрея с родителями состоялся без присутствия Жени. Валентина Фёдоровна Платова не очень одобряла дружбу сына и надеялась, что юношеская влюблённость пройдёт. Она даже пыталась выставить Женю гулящей, чему Андрей посмеялся.

– Ты, мам, можешь сочинять небылицы, собирать слухи и сплетни, но лучше этого не делать потому, что я знаю, какой Женя мне досталась. Не хотите признавать – не надо. Я для себя всё решил. Вы же как-то справились с моим появлением на свет, вот и я попробую. Надеюсь, Полянские мне в этом помогут. Я никогда вас ничем не шантажировал. Не удивляйтесь, если мне придётся на год оставить учёбу. Ну, не оправдал я ваших надежд, извините, так получилось, – говорил Андрей и понимал, что большого шума уже не будет. – Ваше воспитание не позволило бы мне бросить Женю с ребёнком, даже не питай я к ней никаких чувств, но вот незадача – я люблю её и вы это знаете.

– Ты, Андрей, не глупи. Решил жениться – женись, а учёбу не бросай. Ребёнка ещё выносить надо, да родить. Чего раньше времени сокрушаться. Тебя самого Полянские примут, жених? Они только что дочь потеряли, какая там свадьба, – говорил отец.

– Женька не собирается за меня замуж, – сказал Андрей. – Но я её всё равно не брошу, не надейтесь.

– Как это она не собирается за тебя замуж? – недоумевала мать Андрея. – Спать с моим сыном она может, а замуж за него не собирается. И что она, в таком случае, хочет?

– Ничего, мама. Это я против аборта и хочу быть с ней рядом, воспитывая своего ребенка. Будем жить в гражданском браке, пока оба не определимся. Я не спрашиваю вашего согласия. Я поставил вас в известность и теперь вам решать: принимать мой выбор или нет. От помощи я не откажусь, но она должна быть от желания, а не от жалости. Вы не забыли, что мы улетаем первого числа? У вас есть время для принятия своего решения. Вы мои родители, я всегда буду вас любить и уважать. Попытайтесь меня понять и уважайте мой выбор. Пойду на поклон к Полянским. Если к вечеру не вернусь, значит, Женин дед не простил мне внучку и четвертовал, – пытался пошутить Андрей.

Андрей был в семье единственным ребёнком и родился, когда родители оба были ещё студентами. Теперь же отец работал в прокуратуре без малого двадцать лет и мечтал об адвокатской практике, а мама – экономистом на небольшом заводе. Андрея, по большей части, воспитывали родители отца, и лет до тринадцати, он был слишком послушным ребёнком. Ходил в музыкальную школу, танцевальную студию, посещал театр с бабушкой, играл с дедом в шахматы и не знал, что такое «свобода». Он всё время был занят. Ему только исполнилось тринадцать, когда его впервые побили во дворе своего дома. Парень взбунтовался и, переехав к родителям по месту прописки, бросил все «свои увлечения», которые ему навязывали, занялся

спортом и записался в секцию карате. От прежнего Андрея осталось только хорошее воспитание.

Разговор с Борисом Семёновичем Полянским дался Андрею на удивление легко. Борис Семёнович сам начал разговор первым.

– Андрей, ты внучку мою везёшь на море в каком качестве? Она тебе невеста, подружка или уже жена? – спросил он, глядя внимательно на собеседника. – А ты подумал, к чему ведут ранние браки? Как же вы будете жить неучами?

– Борис Семёнович, я люблю Женю и у нас будет ребёнок, – выпалил Андрей, слегка покраснев. Он знал, что дед Жени с виду такой сердитый, а на самом деле очень добрый и справедливый.

– Вы и это уже успели. Значит, жениться хочешь, а она не идёт за тебя? – спросил дед, слегка прищурился. – Правильно делает. Двух детей Женя одна не потянет, придётся нам с Кларой впрягаться. Молоды вы оба, от того и не знаете, чего хотите в первую очередь. – А ты почему за него не хочешь замуж? – задал он вопрос Жене. – Можешь не отвечать. Ты, внучка не уверена в том, что он не сбежит, после первых же трудностей, от того и не хочешь его привязывать загсом. Я тебя понимаю и не настаиваю. Кого сейчас удивишь сожительством? Только и ты, Андрюха, помни, что Женке нет восемнадцати, а значит жди кривотолков. Ты к этому готов? – спросил Полянский старший. – Сейчас не те времена, но «пройдутся» по тебе все, кому нечем заняться, и у кого нет своих проблем.

– Готов, Борис Семёнович, – ответил Андрей, понимая, что воспитательной лекции уже не будет, как не будет и возражений против его кандидатуры в женихи.

– Я думаю, жить вам лучше у нас. Какая ни хорошая у тебя мать, Жене с бабушкой будет спокойнее. Познакомиться, конечно, с твоими родителями придётся, от этого некуда не денешься. Но, знай, в обиду мы им внучку не дадим. У нас на этот случай опыт есть. Езжайте отдыхать, а после возвращения всё и порешаем.

– Видишь, как всё хорошо складывается, – говорил Андрей Жене, провожающей его у подъезда. – Все, кроме тебя, согласны на мою роль жениха.

– Скорее на роль отца и гражданского мужа, – ответила Женя. – Я тоже не буду против твоей кандидатуры. До завтра, – поцеловав его в щёку, сказала она.

– Женя, подойди внучка сюда, – позвал её дед, услышав, как хлопнула входная дверь. – Присядь. Ты чего грустишь? Ты не любишь Андрея? – спросил он.

– Он мне нравится, дедуля, а любовь это или нет, я не знаю, – ответила Женя. – Андрей внимательный, заботливый, готов сам бросить учёбу на время, чтобы я училась. Грустно от того, что я не о замужестве мечтала, а об учёбе. О чём я только думала?

– Ты мне сейчас Маргариту напомнила, но у неё сомнений не было. Она хотела и ждала твоего появления на свет и с учёбой справилась. Любила она твоего отца. После его гибели руки на себя накладывала, – вспоминая прошлое, рассказывал он. – Любил ли её так Сергей, я не знаю, но Орловы сразу отказались от тебя все, кроме Виктора. Ты не знаешь где он сейчас, жив ли?

– Мы с ним почти год не виделись. Адреса я не знаю. Мы встречались с ним в парке, в кафе, даже у нас дома, но никогда не были у него. Раз не пришёл дважды в назначенный срок, значит, посчитал это лишним. Я не могу его не осуждать, не упрекать – это его решение. Он шестнадцать лет поддерживал со мной связь.

– Надо бы его найти, Женя. Может, что случилось, – грустно предложил Борис Семёнович. – А по поводу учёбы не переживай. Мы с Кларой поможем, а Андрею родители не дадут бросить учёбу, а значит, и с этой стороны не будет проблем. Справимся.

Если бы Полянский знал, какой сюрприз его ожидал через два дня. Тридцатого июня, Бориса Семёновича, который возвращался с работы, у подъезда окликнул мужчина средних лет.

– Борис Семёнович, мне нужно поговорить с Вами, – сказал он.

– Поговорим, раз есть в том нужда. Проходите в квартиру, там нам не помешают, – ответил Полянский. Он пропустил незнакомца в подъезд, потом в квартиру. – Брат у меня особо нечего. Пенсию я ещё не заработал, а зарплата – слёзы. Я ничего не покупаю, ни куда не вступаю, так что переходите сразу к делу. Прошу, – пригласил он мужчину в комнату.

– Борис Семёнович, Вы меня не узнали? Я Сергей Орлов. Мы были с Вами знакомы восемнадцать лет назад. Вы можете меня просто выслушать? – спросил он, и, не дожидаясь ответа взволнованного старика, начал повествование своего отсутствия в семнадцать лет.

– Ты чего от меня ждёшь, Серёга? – спросил Полянский, выслушав несостоявшегося зятя. – Тебе нужно моё прощение, сочувствие, помощь? То, что ты сделал по-людски? Чем моя дочь перед вами всеми провинилась? А, Женька, внучка моя, чем заслужила такое отношение? Куда пропал твой отец в трудный для неё период? Нет у меня к тебе претензий, как нет и Риты моей. Бог тебе судья. Женя взрослая девочка и сама решит общаться ей с тобой или нет. А вот и она пришла, – услышав шелчок дверного замка, сказал Полянский.

– У нас гости? – спросила Женя деда, глядя на незнакомца. – Ты чай гостю не предлагал?

– Ему бы не помешало хорошее слабительное и снотворное одновременно, – иронично сказал дед. – Ты присядь и послушай, что этот соловей тебе напоёт, а я уже его послушал.

– Присядь, Женя. Мне действительно нужно поговорить с тобой, – слегка волнуясь, сказал гость.

– Мы с Вами знакомы? – спросила Женя, присаживаясь напротив и рассматривая его с неподдельным интересом. Кого-то ей напоминал этот незнакомец, но она не могла понять кого.

– Нет. Я Сергей Орлов, и я не погиб в марте восемьдесят второго, – как-то обречённо сказал он.

– Вы мой отец? Где ты пропадал столько лет? – удивлённо спросила Женя и замолчала на минуту. Она не готова была к такой встрече. – Зачем теперь объявились? Чего Вы хотите?

– Ничего. Просто хочу, чтобы ты знала, что я не погиб. Три года плена, госпиталь, новая жена. Потом колония и опять новая жизнь, но уже не в СССР, а в России. Я не мог с таким «багажом» вернуться к Рите, да и прежних чувств уже не было. А когда всё же рискнул вернуться в город, покаяться перед вами, было уже поздно, – рассказывал он, глядя себе под ноги.

– Дедушка не знал о Вашем воскрешении? Мы ведь с ним все эти годы дружили, – спросила Женя.

– Никто не знал. Я перечеркнул свою старую жизнь и начал новую, – ответил Орлов. – Я не оправдываюсь. Моё появление здесь могло затянуться ещё на годы.

– Меня Вы тоже вычеркнули? Зачем тогда пришли сегодня?

Меня нет в Вашей новой жизни, как нет мамы. Вы просто не имели морального права не объявиться раньше. Вы ведь объявились не вчера? – спросила Женя.

– Я приехал год назад, – ответил Орлов.

– И у Вас не возникло желания встретиться с дочерью, которой шестнадцать лет и которую Вы ни разу не видели? Это как можно расценить? Да Вы слон толстокожий, а не отец, – говорила с обидой в голосе Женя.

– Своим появлением я довёл отца до инсульта, – обречённо сказал Орлов. – А тебя и твою маму я видел и не раз. Как я мог нарушить вашу семейную идиллию своим появлением? К чему бы это привело? Твоя мать выглядела счастливой. Зачем ей нужны были мои поздние раскаяния? Да и вернулся я с новой семьёй.

– Что с Виктором Ивановичем? Он жив? Он болен?

– Отец жив, но парализован, – ответил Сергей Орлов.

– Почему мне Галина Петровна даже не сообщила об этом? – негодовала Женя. – Да, что вы за семейка такая? Говорите адрес, мне нужно его увидеть.

– Ты не знаешь адреса? – с удивлением спросил Орлов.

– Не знаю. Дед приезжал к нам домой, мама отпускала меня с ним на прогулки в хорошую погоду, а в ненастье мы были у нас дома, – сказала Женя. – Зачем мне нужен был адрес, если там меня никто не ждал? Дедушка всегда навещал нас сам.

– Я на машине и отвезу тебя к нему. О чём вы говорили?

– Дед приезжал раз в месяц, во второе воскресенье, много не наговоришь. Он мне книжки читал или я ему. Ходили в кино или цирк. Были в кафе и зоопарке. Ели мороженое, пили колу. Катались на аттракционах в парке, а зимой на коньках, – рассказывала Женя, вспоминая деда. – Когда я стала старше, ничего не изменилось, но мы стали больше мечтать. Мы с ним о многом говорили, спорили и незаметно подружились. Я всегда ждала его прихода. Знала, что в этот день случится что-нибудь необычное. Дедушка Борис даже ревновал Вашего отца ко мне, но всегда передавал привет. Они так и не помирились за эти годы. Подождите, я захвачу с собой свою медаль и позвоню Андрею, чтобы он меня потом забрал и привёз назад.

Дорога к дому Орловых заняла не более пятнадцати минут. Они поднялись в квартиру, где их встретила Галина Петровна. Женя её практически не знала, но смогла смело предположить, что это была именно её бабушка.

– Проходи, Женя. Отец в кабинете за этой дверью. Он слабо слышит, но пока не говорит. Правой рукой пытается писать, и, иногда, у него это получается. В знак согласия – слегка кивает головой, – сказал Сергей Викторович.

Женя открыла дверь и заметила у окна инвалидную коляску, в которой сидел человек спиной к двери.

– Давно он в таком состоянии? – спросила она. – Сдвиги есть?

– Полгода. Нас предупредили, что срок реабилитации будет долгим, – ответил Орлов младший. – Это отец просил привезти тебя к нему, – признался отец, опустив глаза.

Женя тихо вошла в комнату, проходя мимо стола, увидела на нём своё фото в рамке. Подойдя к окну, заметила, что глаза деда прикрыты. Дед за год похудел и как будто стал меньше ростом. Она присела на корточки перед коляской.

– Привет, – сказала она тихо, взяв деда за руку. – Мы с тобой не договаривались о болезни. Как ты мог не сообщить мне обо всём? Ты знаешь, о чём я подумала, когда ты не пришёл два выходных подряд? О том, что я выросла, и тебе стало не до меня, – говорила она, держа деда за руку и глядя ему в глаза. – Если бы я только знала, что ты меня не бросал, я нашла бы тебя сама. Знаешь, сколько у меня хороших и плохих новостей накопилось за это время. Ты про маму слышал? – спросила Женя и внимательно посмотрела на деда, который слегка кивнул. – Хорошо, поедem к столу, и ты мне всё напишешь. Плюс «да», минус «нет». Или ты предпочитаешь палочки и кружочки? – улыбнулась она. – Теперь слушай хорошие новости. Я окончила школу с золотой медалью. Смотри! – она подала ему в правую руку медаль с ленточкой. – Я молодец? Знаешь, куда я буду поступать? У нас в университете открылся факультет иностранных языков. Я мечтаю и хочу стать переводчиком с английского и французского. Мы с тобой полетим сразу в Лондон или в Париж? – спросила она и заметила глаза деда полные слёз. – Сырость не разводи. Мне нужны положительные эмоции, а волнения противопоказаны, – сказала она, поднимаясь. – К весне ты станешь прадедом, – прошептала Женя деду на ухо. – Что скажешь?

Дед поднял большой палец правой руки, и, казалось, слегка улыбнулся. Женя взяла салфетку со спинки кресла и осторожно приложила её к глазам деда.

– Я знала, что ты меня поддержишь. Ты видишь, как мы похожи с твоим сыном? – глядя на Сергея Орлова, спросила Женя.

– Сходство действительно поразительное, – вмещалась в разговор жена Виктора Ивановича.

– Жаль, что Вы признали этот факт через семнадцать лет. – Вы меня, Галина Петровна, простите, но я хочу поговорить с дедом без свидетелей, как это было раньше. Отец может

остаться. – Дед, скажи мне честно: тебя в этой семье обижают? Массажист бывает? Кто с тобой занимается речью? Пиши, дед, всё пиши. Я не знаю, что ты успеешь за три недели, но попробуй мне только не связать двух слов, когда я вернусь. Я с Андреем Платовым еду завтра на море, к его тётке. Ты помнишь Андрея? Теперь он уже студент третьего курса и хороший массажист. Мы тебя поставим на ноги, и только попробуй нам сопротивляться. Что ты хочешь? Сейф? Что тебе там понадобилось? Медаль мою можешь не прятать. На ней и золота нет, одно название. Ты хочешь, чтобы я отгадала его шифр? Ну, ты дед и выдумщик. Ты переваривай полученную информацию, а сейфом мы займёмся в следующий раз. На сегодня нагрузок для тебя достаточно. Ты помнишь Эльвиру, мать Клары Петровны? Знаешь, как её муж вылечил? Он каждое своё утро начинал с того, что выносил кресло во двор, усаживал в него жену и говорил: – «Любуйся, Эля, пока ты расслаиваешься, с меня до обеда уже семь потов сойдёт. Есть у тебя совесть или жалость к мужу? Огород, скотина, птица – всё на мне, а ты помочь не хочешь» Так Эльвира Генриховна и поднялась. Совесть её замучила, – говорила Женя, обнимая деда. – Ты должен, дед, подняться. У нас с тобой впереди много дел.

Сергей Викторович Орлов слушал дочь, с которой только что познакомился и удивлялся. Как же её присутствие сказывалось на его отце. Ему со стороны казалось, что пройдёт еще минута и отец обязательно ответит Жене. А, Женя? Она разговаривала с дедом, как будто тот был здоров, и они расстались только вчера.

– Хорошо, я сделаю то, о чём ты просишь, – сказала Женя, глядя на деда. – Дата рождения слишком просто. Это касается тебя или меня? – спросила она и увидела, что дед указывает на неё. – Сколько цифр? Пять. Тогда попробуем алфавит переложить на цифры и взять мои инициалы, – говорила она, поглядывая на деда. Что имеем в итоге? Шесть, один, девять, один, семь. Правильно? – посмотрела она на деда, который кивнул головой. Замок щёлкнул. Женя заметила в сейфе стопку конвертов. Именно в таком конверте дед передавал деньги маме или ей. – Дед, ты хочешь купить мою медаль? – с улыбкой спросила она. – Я тебе её отдам даром, если ты обещаешь мне быть прежним. Я не прошу тебя прямо завтра подняться с коляски, я говорю о другом. Ты должен вновь стать оптимистом и тогда мы с тобой справимся. Мой второй дед очень ждал эту медаль. Теперь он ждёт моего поступления. Ты не хочешь с ним встретиться? – говорила Женя, поглядывая на деда. – Ладно, я возьму конверт, но один, – на конверте стояли три заглавные буквы ЕСП. – Это будет оплата за прокат медали, – сказала она, закрывая сейф. – У тебя есть три недели, – целуя его в щеку и обнимая, говорила Женя. – Я вернусь, дед, не сомневайся.

Она вышла из комнаты и тут же столкнулась с Галиной Петровной.

– Много денег попросила? – спросила она, заметив в руках Жени конверт.

– Вы, Галина Петровна не бабушка, Вы – Баба Яга. Вам было трудно сообщить мне о том, что дед болен? Возможно, от моего присутствия мало было бы толку, но я имела право знать. За что Вы меня так не любите, если совсем не знаете? Мы обходились без Ваших денег целый год и, как видите, выжили. Я деду медаль в аренду сдала. Ему, в отличие от Вас, есть чем и кем гордиться, – язвительно ответила Женя. – Скажете, грубая, невоспитанная? Я даже возражать не буду. Думайте, что хотите, мы с Вами чужие люди. Если я Вам не нужна, то нужна деду, и Вам придётся как-то смириться с моими визитами к нему.

Она вышла из квартиры в сопровождении Сергея Орлова.

– Тебя отвезти домой? – спросил он.

– Спасибо. Я доберусь сама. Вам своего отца не жаль? Вы понимаете, что с ним нужно не просто заниматься, с ним нужно беседовать, разговаривать, чтобы он чувствовал свою нужность. Или Вам удобнее держать его в виде куклы?

– Зря ты так. Он мой отец. Что я могу?

– Какой вы сын, я уже поняла, а можете Вы многое. Теперь я знаю адрес деда, и попробуйте мне помешать. Я не буду с вами воевать, но я не дам вам запереть его в клетке. Жёл-

тая пресса любит семейные споры за наследство. Я напишу статью «Орлу подрезали крылья» или «Клетка для Орлова». Видите ли, Сергей Викторович, я могу обратиться в суд и получить юридическое право вмешиваться в жизнь вашей семьи. Для меня лично не будет никаких последствий, а вот Вам грозит потеря репутации. Помогите отцу. Вы видели его глаза? Это глаза отчаявшегося человека. Он считает себя в семье ненужным. Вам ли не знать, что такое отчаяние? Мама после Вашей гибели пыталась повеситься. Дед оказался рядом. Вы не дайте пропасть отцу. Уделяйте ему каждый день всего час своего драгоценного времени и сами увидите результат. Исцеляйте его любовью.

– Женя, мы ещё увидимся? – с надеждой спросил Орлов.

– Обязательно. Я вернусь через три недели, – сказала она, нажимая кнопку лифта. – Андрей, увези меня домой и поскорее, – попросила она, принимая у него шлем.

– Ты что здесь забыла? – спросил он, садясь в седло байка.

– Виктор Иванович нашёлся. Он здесь живёт, сидит в инвалидной коляске, и никому нет до него дела. А ещё, мой отец не погиб. Он жив, здоров и вполне доволен жизнью, – ответила она, садясь в седло и обхватывая Андрея за пояс. – Я расскажу обо всём дома.

Дома Женя рассказала Андрею о встрече с отцом и дедом, поделилась своими мыслями и показала конверт их сейфа Орлова. За ужином повторилась и поведала Полянским о визите к Орловым.

– Значит, Виктор не бросал тебя и мать, – с грустью сказал Борис Семёнович. – Я на него напраслину возвёл, материл ни за деньги, а за то, что пропал без объяснений.

– Дедуля, держи адрес. Надумаешь – навести друга. Я думаю, он будет рад. И особо не церемонься с Галиной Петровной. Орлов в доме хозяин, а не она.

Три недели отдыха на море пролетели быстро. Они гуляли по пляжу до полудня и после того, как спадёт жара. Женя «повторяла» английский язык в перерывах между прогулками и купанием. Токсикоз беременных «прошёл» мимо неё, чувствовала она себя хорошо, аппетит был отменный. Она уже не смущалась Андрея, доверилась ему как будущему отцу и доктору, и две-три ночи в неделю для неё были новой сказкой. Вернувшись в город, Андрей перевёз часть своих вещей в квартиру Полянских. Отец Андрея был настроен на свадьбу сына, а вот мать была за гражданский брак. Она всё ещё сомневалась в правильности выбора сына и поставила условие, что Андрей не будет искать работу. «Занимайся учёбой и семьёй, а мы будем выплачивать тебе зарплату ни санитару, а, скажем, фельдшера. Нужна практика – работай летом или после четвёртого курса», – говорила она. Больше всех «переживал» дядя Жени Борис Борисович Полянский. «В тридцать четыре года стать дедом, оказывается, возможно, – говорил он. – Ничего, Женька, все вместе мы справимся. Это в нашей семье наследственное по женской линии. Мама родила Риту в девятнадцать, Рита тебя в восемнадцать, теперь вот и ты родишь в восемнадцать».

В семье Полянских любили, уважали и помогали друг другу, но в ней было не принято «выставлять» свои чувства. Возможно, наедине всё было иначе, но присутствие третьего, сдерживали эмоции. С появлением в квартире Андрея, как-то всё изменилось. Он желал Жене доброго утра и целовал её в щёку, не стесняясь ни деда, ни бабушки. Вставая из-за стола, опять целовал и говорил «спасибо». Уходя из квартиры или возвращаясь в неё, обязательно обнимал и целовал. Жене это нравилось, но вызывало смущение. Дед посмеивался и говорил: – «Где мои семнадцать лет? Любит он тебя, внучка».

Евгения Полянская сдала вступительный экзамен по английскому языку и стала студенткой первого курса факультета иностранных языков местного университета. Это событие отметили в кругу семьи, куда пригласили и родителей Андрея. Зашёл разговор о беременности Жени, о том, где молодая семья, пусть и без официального брака, будет жить.

– Что ходить кругами, – сказал Борис Семёнович. – Комната у них большая, места хватит. Кларе в январе исполнится пятьдесят пять. Пойдёт прабабушка на пенсию и поможет и внучке

и правнуку. Вы, Платовы, оба работаете и до пенсии вам далеко, а брать в дом чужую тётку, при живых стариках, не дело. Смиритесь. Молодёжь пусть живёт по своему усмотрению, где хочет, а родиться малыш – будут жить здесь.

– Борис Семёнович, мы согласны с вашей постановкой вопроса, – ответил Виктор Степанович Платов. – Мы Андрея рано родили и знаем, что без помощи родителей нам пришлось бы очень трудно. Вы и ребята можете на нас рассчитывать. Комната Андрея в их полном распоряжении и они об этом знают. Женя не хочет свадьбы по понятной причине. Почему она не соглашается даже на простую регистрацию? Я не понимаю.

– Не настаивайте, – говорил Борис Семёнович. – Поживут, а там видно будет.

Женя наведалась к Орловым на следующий день после приезда. Ей показалось, что дед морально собрался, стал сильнее духом. До первого сентября она каждый день ездила к Орловым на два-три часа вместе с Андреем. Он нашёл хорошего невропатолога, который посоветовал комплекс упражнений и теперь занимался с дедом Жени. С Сергеем Орловым общение сводилось к коротким диалогам. Он жил с семьёй по другому адресу и виделись они только в выходной день. Семья отца отнеслась к Жене как к чужой. Жене отца Светлане было тридцать два года, а их сыну Никите семь лет. В квартире деда она встретила и с семьёй сестры отца Натальей, которой исполнилось тридцать три года. Главе семьи Денису было тридцать шесть, а их дочери Кристине десять. Новую родственницу, в лице Жени, не особо жаловали, и принять в семью не спешили. Всех очень раздражал тот факт, что даже без всякой экспертизы, родство Жени и Сергея Орлова было очевидно. С этим невозможно было поспорить. К Новому двухтысячному году Орлов Виктор Иванович поднялся с кресла.

Женя и Андрей жили первое время по очереди то в квартире у Полянских, то у Платовых. В комнате Жени сделали косметический ремонт и к зиме остались в квартире Полянских. Клара Петровна пошла на пенсию, когда Женя готовилась к своей первой сессии. Она сдавала экзамены на тридцать второй неделе беременности. Бабушка сшила оригинальный сарафан, который не скрывал беременность Жени, но она выглядела в нём очень эффектно и стильно. Евгения Полянская попала в больницу девятнадцатого февраля двухтысячного года в двадцать два тридцать. Её сын родился двадцатого февраля в четыре утра весом три пятьсот. Ночь для семьи Полянских и Андрея была бессонной. Прадед первым узнал о рождении правнука, не выдержав и позвонив в шесть часов утра.

– Андрей, ты спишь? – спросил дед, приоткрыв дверь в комнату внучки.

– Какой тут сон? Я мыслями весь там, рядом с ней, когда уже позвоним? – растеряно говорил он.

– Я уже позвонил, – сказал дед, присаживаясь рядом с Андреем. – Женя мальчика родила. Ты стал отцом, а я прадедом. Ты, пойдя, сам позвони, так будет вернее.

Андрея после звонка в роддом переполняли эмоции. Он, то улыбался, то вытирал ладонью глаза и нос от влаги. Позвонил родителям, нарушив им отдых в выходной день. Клара Петровна, глядя на него, тоже всплакнула. Борис Семёнович, дождавшись восьми утра, позвонил сыну и Виктору Орлову.

– Вот как не крути, Виктор, а спор ты мне проиграл. Я тебя, друг, поздравляю. У тебя теперь звание стало выше. Прадед! Ты слышишь, как гордо звучит? Женька наша сына родила три с половиной килограмма. Приезжай в гости, порадуемся вместе.

На следующий день после рождения сына, Жене исполнилось восемнадцать лет. Андрей зарегистрировал сына как отец, назвав его Евгением. Для Полянских и Орлова начались приятные хлопоты. Они не брали в расчёт Андрея, он витал в облаках и пропадал под окнами роддома, если не был на занятиях. Мужчины интересовались его мнением, но на этом всё и заканчивалось. Ещё на Новый год было обговорено кто и за что отвечает, и каждый знал, что нужно купить, чтобы не повторяться или что-то забыть. Двадцать пятого февраля Женю

с сыном выписали из роддома, и Андрей привёз их домой. Через две недели Платову Андрею исполнилось двадцать лет. Родители подарили ему машину ВАЗ-2108 серебристого цвета.

– Сдашь плохо сессию – пересядешь на байк, – сказал Андрею отец. – Не лихач, о сыне думай. Мы подумали: «Чего у Семёновича гараж пустой простаивает?»

– Спасибо, – сказал Андрей, пожимая руку отцу и целуя мать. – Нам машина сейчас не помешает.

– Андрей мне кольцо подарил красивое, – сказала Женя чуть смущённо. – Посмотрите.

– Я решил сэкономить на подарках. У нас теперь два дня праздник: двадцатого у одного Женьки день рождения, двадцать первого у другой Жени.

Первый месяц дался всем жителям квартиры нелегко. Борис Семёнович и Андрей полусонные уходили на работу и учёбу. Женя посещала занятия через день по два-три часа и спешила домой. Кому-то объясняла причину, кто-то додумался сам. С вечера и до утра, родители освобождали Клару Петровну и занимались сыном сами. На ней, кроме заботы о правнучке в отсутствии родителей, был еще обед и ужин на четверых. Андрей давал возможность Жене не вставать по ночам к сыну, меняя ему памперсы и подкладывая его под грудь матери. Время шло быстро, и уже через два месяца о недосыпе не вспоминал никто. Борис Семёнович ушёл на пенсию, когда Платову младшему исполнилось три месяца, а Женя с Андреем готовились к летней сессии. В это же время Полянские стали агитировать молодёжь уехать на ПМЖ в Германию. Половина села, где родилась Клара Петровна, была, если не близкой, то дальней роднёй, в один миг решила уехать. Даже восьмидесятитрёхлетняя мать Клары Петровны была за отъезд. У неё было шестеро детей, пятнадцать внуков, двадцать шесть правнуков и один праправнук. Только треть большой семьи, на данный момент, осталась в селе, треть в городе, а треть уехала в Германию года три-четыре назад. Бабушка Жени помнила всех поимённо, а вот Жене не удавалось это. Попробуй запомнить сестёр и братьев числом двадцать пять или пятнадцать дядей и тётей с их вторыми половинами, имена, как и фамилии которых часто повторялись. Сдав сессию и взвесив все за и против, Женя и Андрей ехать отказались. Их сторону принял и дядя Жени Борис Борисович Полянский.

– Отец, здесь у меня работа, девчонки учатся в школе. Куда мы без знания языка поедём? Кому я там нужен даже с дипломом экономиста? Ладно, у мамы там много родственников, а что ты сам там будешь делать? Понимаю, на пособие прожить можно, но у них и пенсионный возраст на пять лет больше. Поезжайте с мамой к тёте Нелли. Посмотрите, как там наши живут, чем дышат, а потом и решите – стоит ли овчинка выделки.

Глава 3

В августе двухтысячного года Полянский Борис Семёнович, вместе с женой, полетел в Германию к её родственникам в гости. Именно после поездки, он принял решение переехать и сменить гражданство. Собрав за ужином всех Полянских, он объявил о своём решении.

– Дело это не быстрое – документы могут оформляться долго, но мы с матерью намерены переехать. Пока Женьке не исполнится полтора года, нужно сделать летом ремонт в квартире Риты, найти для него детский сад. Евгения с Андреем смогут спокойно учиться и жить самостоятельно, – говорил он. – Продадим квартиру и дачу, а до отъезда поживём с молодёжью. Хочу предупредить тебя, господин банкир, что деньги я разделю пополам между тобой и Женей. То, что у вас в семье на одного человека больше, в счёт не идёт. У вас на всех двое работающих, а у них два студента. Если ты, Марина, не довольна, я могу выделить вам не половину, а треть, чтобы была обоснованная причина для недовольства. Реже меняй шубы и покупай побрякушки.

– Отец, пожалуйста, не заводись. Те деньги, что ты получишь за эту квартиру и дачу, не стоят вообще внимания, чтобы о них говорить, – сказал Борис Борисович. – Я помогу Жене с ремонтом, заменим мебель, технику. Думаю, и Виктор Иванович поможет. Мне не нужны деньги, а вам с мамой лучше обменять их на валюту перед отъездом. С этим я справлюсь.

Бабушка всё чаще напоминала внучке о браке с Андреем.

– Что-то Андрей в загс не торопиться, на тебя указывает, – говорила Клара Петровна Жене.

– Бабуля, Андрей дал Женьке свою фамилию, а мне моя нравится. Это я не хочу замуж, а не он. Что если его любовь пройдёт как у отца к маме? Или я по молодости лет влюблюсь? Ты знаешь, у меня есть воздыхатели в университете. Надоест ему наша сумасшедшая семейная жизнь и будет страдать, а так собрал вещи и ушёл, – говорила Женя, обнимая бабушка.

– Ой, Жень, неправильно всё это, – грустно говорила бабушка.

– А как правильно, бабуля? Я даже не знаю: как я к нему отношусь? Люблю ли я его? Он заботливый, внимательный, нежный, мне с ним очень хорошо, я привыкла, что он рядом. Мне не в чем его упрекнуть. Я думаю, что без него я бы не справилась, как мама со мной. Но я не уверена, что мы были бы вместе, не будь я беременной. Ты посмотри на него. В него нельзя не влюбиться. У них в группе парней мало, наш Андрей как в малине, но у меня нет к нему ревности – я ему доверяю. Кончится доверие – закончатся отношения. Вот такая я у тебя загадка природы.

– Женя, я всё понимаю. Многие сейчас живут без штампа в паспорте. Но хотелось бы по-людски, – не сдавалась бабушка.

– По-людски – это, бабуля, неоправданные расходы. Я сама студентка, он – студент, ребёнок растёт – не время. Свадьба дорогое удовольствие, а простой поход в загс ничего не изменит.

Дядя сдержал слово и помог Жене сделать косметический ремонт в квартире матери после того, как из неё, летом две тысячи первого года, съехали квартиросъёмщики. К сентябрю Женя с сыном и Андреем переехали. Андрей любил Женю и жили они дружно. Женю Платова определили в детский сад. Евгения начала заниматься на третьем курсе, Андрей – на пятом. Иногда, родители Андрея заглядывали в гости к молодёжи. Теперь они жили рядом. Виктор Иванович окончательно поправился и вернулся к работе. Он навещал внучку и правнука в выходной или после работы. Очень гордился тем, что и внучка и правнук были похожи на него и его сына. Был благодарен Жене, что, именно при её поддержке, он за два года вернулся к прежней жизни. Внучка ни разу не нарушила данное ему обещание, и он не мог не принять её условия. Но больше всех переезду был рад Андрей. Он чувствовал себя в этой квартире как дома, если не лучше.

– Жень, у меня такое чувство, будто мы с тобой, за стенами этой квартиры, одни в целом мире. Ты и я. Я могу не скрывать своих чувств и эмоций. Я могу в свободное время делать то, что мне хочется и не чувствовать себя бездельником. Свобода! А главное, мои желания и возможности теперь всё чаще будут совпадать, – говорил он, обнимая и целуя Женю.

– Ты, забыл о сыне, – смеялась Женя.

– Он слишком мал, чтобы помешать мне, и у него есть своя комната, чтобы не нарушать наше личное пространство. У нас трёхкомнатный шалаш, а рай я тебе обещаю...

Осенью две тысячи второго года Полянские улетели в Германию целым «табором». Через два года Женя окончила университет, а Андрей получил сертификат о прохождении интернатуры, получив диплом врача годом раньше. Их сыну шёл пятый год. Все два года молодые люди не сидели в четырёх стенах. Они ходили в гости, оставляя Женю на бабушку, принимали друзей у себя, выезжали на природу, но без сына. Одним словом, жили, как большинство молодых людей. Виктор Иванович присутствовал на вручении диплома об окончании университета вместе с Женей, Андреем и правнуком. Поговорив с Андреем, Орлов устроил «выпускникам» двухнедельную поездку в Лондон и Париж.

– Поезжайте, а вернётесь, может, и о свадьбе договоритесь, – говорил он, вручая им путёвки. – Ты почему отказалась от работы на кафедре? – спросил он внучку.

– Они примут меня, если я одумаюсь до первого сентября. Но что-то мне подсказывает, что я сюда не вернусь, – говорила Женя. – Дедушка, мне предложили работу в агентстве переводов. Это работа не со студентами.

Оставив сына на маму Андрея, они вылетели в Лондон, потом в Париж, на обратном пути сделав остановку в Детмольде, навестив бабушку и дедушку Жени в Германии. Поездка для них оказалась незабываемой. Они впервые были за пределами России. Разговоров и впечатлений хватило надолго. В августе они оба вышли на работу. Каждое утро Андрей уезжал на работу к восьми утра, а Женя успевала завести сына в сад и появиться на рабочем месте к девяти утра. Андрей забирал сына из детского сада, а она возвращалась с работы прямо домой. Прошёл всего месяц, когда она заметила явные перемены в нём.

– Андрей, что происходит? Ты становишься замкнутым, тебя мало что интересует. У тебя неприятности? – спросила она перед сном.

– У меня всё в порядке и есть только один нерешённый вопрос: ты замуж за меня собираешься? – спросил он.

– Хорошо, давай поговорим о браке. Мы говорили с тобой об этом больше пяти лет назад, и ты не возвращался больше к этому разговору. Ты ни разу не делал мне официального предложения даже в шутку. К чему сейчас этот вопрос? Ты хочешь услышать от меня «нет»? Ты устал любить меня без взаимности? – спрашивала Женя. – А если моё отношение к тебе и есть любовь? Я должна говорить тебе об этом? Или перестала тебя устраивать как женщина? Объясни, я пойму, – говорила Женя, глядя на него.

– Извини. Меня сегодня назвали подкаблучником, когда я сказал, что забираю сына из сада и не могу пойти в бар так рано.

– Глупость! Я никогда тебя не контролировала и не ограничивала по времени твои встречи с друзьями. И ты сам, и твои друзья, прекрасно знают о наших графиках работы. Да, у тебя есть определённые обязанности по дому, но их не так много – забрать сына из сада и купить продукты. А ты хочешь, чтобы я носила их на себе, когда у тебя под задницей машина? – Женя была уверена, что дело здесь в другом. – Тебе нужно больше свободного времени? Я пересмотрю свой график и буду брать работу на дом, но вспоминай иногда, что я не лошадь и мне тоже нужен отдых. Кажется, мы рано заговорили об усталости, но я согласна, что нам возможно, нужен отдых друг от друга. Одного выходного дня в неделю, думаю, будет нам с тобой достаточно, – сказала она, отворачиваясь в сторону.

– Жень, не сердись, меня всё устраивает, кроме зарплаты, – улыбнулся он. – Без тебя мы бы не вытянули этих расходов.

– Не говори глупостей. Наша зарплата не даст нам умереть с голоду. Мы с тобой работаем всего месяц. У тебя она стабильная, а у меня минимальная. Пройдёт испытательный срок и всё изменится в ту или другую сторону. Дедушка помогает, спасибо ему. Твои родители не оставят без куска хлеба. Да, больших денег нет, но живём мы не хуже других. Умудрились проехаться по Европе. У нас есть квартира, машина – мы с тобой не хуже, если не лучше, наших друзей. Я тебя прошу, постарайся быть со мной честным. Что-то не нравится – скажи. Не заставляй меня додумывать или не так понять. Ничего хорошего из этого не выйдет, – просила Женя.

Прошла ещё неделя. В сентябре, накануне выходного, Андрей предупредил Женю:

– Завтра я дежурю, а после дежурства заеду к родителям.

– Отлично. Виктор Иванович приедет в воскресенье. Пока ты будешь отдыхать после дежурства, мы успеем погулять, а к обеду будем дома. Завтра я займусь домашними делами.

В субботу переделав все дела, скопившиеся за неделю, поужинав, Женя с сыном планировали, как проведут завтра время с дедом. Виктор Иванович приехал без опоздания, как обещал. Женя, собираясь выходить из квартиры, заметила, что ключи Андрея от квартиры висят на крючке в прихожей рядом с её комплектом. Она набрала номер телефона Андрея, чтобы предупредить его об этом, но ей ответил женский голос:

– Доктор Платов не может сейчас подойти, он занят. – И ещё не отключившись, Женя услышала продолжение. – Андрей, завтрак готов.

Женя поняла, что эта фраза сказана, скорее всего, для неё. Пусть она даже не имеет ничего общего с действительностью, её сказали именно для неё, чтобы посеять в голове Евгении сомнения. Внутри неприятно кольнуло, но она взяла себя в руки. «Главное, он не голоден», – усмехнулась она. Она набрала номер телефона Валентины Фёдоровны и сказала о забывчивости её сына. Евгения с сыном и дедом хорошо провели время в парке и вернулись домой к обеду. Андрей не перезвонил. Женя, вернувшись домой, заметила его спящего в машине, которая стояла у подъезда, постучала в стекло и разбудила, вопросительно посмотрев на него.

– Представляешь, я забыл дома ключи, – оправдывался он.

– Я знаю, и звонила Валентине Фёдоровне. Как родители?

– Я не был у них.

– А кто тебя кормил завтраком, а главное за что? – спросила Женя, входя в лифт.

– Жень, не говори глупости. Я освободился только после десяти часов, – ответил Андрей, нажимая кнопку в лифте.

– Я и звонила в девять тридцать. Мне ответили, что ты занят, а тебе напомнили о том, что завтрак готов. Потом положили трубку.

– Жень, ты меня ревнуешь? – спросил Андрей, входя в квартиру с Женей и сыном. – Мне это нравится. Значит не всё у нас потеряно, – усмехнулся он.

– Жень, сынок, вымой руки и беги к себе. Скоро будем обедать, – попросила она сына, которому исполнилось четыре с половиной года. – Не всё, говоришь, потеряно? – спросила она Андрея и улыбнулась. – Это мы сейчас и проверим, – сказала она, набирая номер отделения, где работал Андрей с домашнего телефона и включая громкую связь. – Простите, не подскажете, когда дежурит доктор Платов сегодня или это было вчера? Я такая рассеянная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.